

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайский государственный технический университет»

на правах рукописи

Проскурин Евгений Геннадьевич

***Когнитивная лакунарность текста как проблема
межкультурной коммуникации***

Специальность 10.02.19 – теория языка

*Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук*

Научный руководитель –
д.ф.н., профессор
Пищальникова В.А.

Барнаул - 2004

Оглавление

Введение	4
Глава 1.	
Общие проблемы межкультурной коммуникации. К обоснованию теоретической базы исследования	14
1.1. Язык и культура: взаимодействие систем	14
1.2. Специфика межкультурной коммуникации	25
1.2.1. Понятие теории межкультурной коммуникации и причины ее появления как особого раздела лингвистической науки	25
1.2.2. Основные понятия и направления теории межкультурной коммуникации	27
Глава 2.	
Лакунизированность текста как проявление национальной специфики языка	34
2.1. Базовые понятия классификации лакун	34
2.2 Основные положения когнитивной науки	41
2.3. Когнитивный аспект исследования проблем межкультурной коммуникации	45
2.4. Теория лакун с позиций когнитивной лингвистики	51
2.5. Перевод как передача актуального личностного смысла	53
Глава 3.	
Декомпрессия как способ достижения максимальной коммуникативной эквивалентности текстов	56
3.1. Перевод как речемыслительная деятельность	56
3.2. Понятие декомпрессии текста	58
Глава 4.	
Экспериментальное исследование способов реализации механизма компрессии/декомпрессии текста	64
4.1 Цель и задачи эксперимента	64
4.2 Методика, материал исследования	64
4.3 Характеристика испытуемых	66
4.4 Описание результатов эксперимента	68
4.4.1 Компрессированные когнитивные структуры и формы их декомпрессии при переводе	68
4.4.1.1. Метафора как компрессивная когнитивная структура	69
4.4.1.2. Фразовые глаголы как репрезентанты когнитивной модели	80
4.4.2. Восприятие и интерпретация иноязычных когнитивных моделей	84
4.4.2.1. Когнитивная модель «процессуальность + атрибутивность», репрезентиро-	

анная сочетанием <i>глагол + прилагательное</i>	84
4.4.2.2. Глобализация значения в английском языке по сравнению с русским	90
4.4.2.3. Когнитивная модель «процессуальность + субстантивность», репрезентированная сочетанием <i>глагол + существительное</i>	99
4.4.2.4. Когнитивная модель, репрезентированная сочетанием <i>существительное + существительное</i>	106
4.4.2.5. Когнитивная модель, репрезентированная сочетанием <i>прилагательное + существительное + -ed</i>	110
4.4.3. Специфика лексической сочетаемости как отражение специфики менталитета	115
Выводы	124
Заключение	128
Литература	131
Словари	146

Введение

Люди уже в самом начале своей истории столкнулись с проблемой передачи содержания с одного языка на другой. Уже в древности наблюдается стремление выработать критерии подхода к различным типам перевода, то есть обусловить возникновение собственно переводческих концепций.

Еще более остро проблема общения и взаимопонимания во всех сферах практической деятельности стоит сегодня. Межкультурная коммуникация (далее - МКК) – это всегда межличностное общение, в котором очень важное значение имеет культурная среда, формирующая реципиентов. Сегодня можно говорить о своего рода социальном заказе на исследование проблем МКК, поскольку множество людей встречается с проблемами межкультурного непонимания, обусловленными различиями в культурно специфичных нормах коммуникации.

Проблемами МКК занимаются многие науки: антропология, этнография, теория коммуникации, лингвистика, психология, этнопсихоанализ, этнориторика/этногерменевтика, этнография речи и др. Заинтересованность столь многих наук в МКК отчасти объясняется междисциплинарностью самих понятий культуры и коммуникации. Существует уже более 300 определений культуры, каждое из которых ориентировано на круг проблем, разрабатываемых определенной отраслью знания, в частности лингвистикой.

При таком внимании к проблемам культуры и МКК неудивительно, что многие термины толкуются неоднозначно. Для нашей работы важно определить объем таких понятий, как *культурный концепт* и *культурный стандарт*. В когнитивной лингвистике под концептом обычно понимается 1) «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова и др., 1996: 90]; 2) модель, отражающая содержание

такой единицы. Многие исследователи подчеркивают значимость культурных факторов в формировании концептов, то есть рассматривают концепт как «многомерное культурно-значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной форме» [Карасик, 1996: 6]. Таким образом, концепт воспринимается как явление по своей природе культурно окрашенное. Ю.С. Степанов определяет его как «сгусток культуры в сознании человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов, 1997: 40]. В концепте представлены оценочные нормы и стереотипы, модели поведения и обобщенные схемы ситуаций. Культурные концепты определяют речевое поведение языковой личности как представителя той или иной лингвокультурной общности, то есть концепты отражают культурные стандарты.

Своеобразие национально-культурных стандартов особенно остро ощущается в МКК, когда человек сталкивается с неожиданной для себя ситуацией/поведением собеседников. Чтобы понять причину неожиданно возникших коммуникативных проблем и тем более овладеть чуждым для себя культурным стандартом, необходимо найти ответ на вопрос: почему люди другой культуры придерживаются именно таких правил поведения и уважают именно такие ценности?

Следует особо подчеркнуть, что формирование *межкультурной коммуникативной компетенции* – это не просто расширение языковой коммуникативной компетенции, а принципиальное построение ее на экстралингвистической основе. Это значит, что человек должен строить свое общение с другими людьми, принадлежащими иным культурам, исходя из знания специфики этих культур. На деле же, как показывает практика МКК, большинство людей воспринимают родной культурный стандарт как единственно возможный и правильный. Такая позиция называется этноцентризмом.

К одному из видов МКК относится перевод. Под переводом обычно понимают «речевую деятельность, состоящую в транслировании текста (устного

или письменного) с одного языка на другой при сохранении содержания и стилистических особенностей изначального текста» [Раренко, 2000: 112].

Проблемы перевода приобретают особую актуальность во второй половине XX века в связи с расширением межкультурных контактов. Современное переводоведение характеризуется большим разнообразием теоретических концепций и методов исследования.

Сопоставительный анализ нескольких переводов одного и того же текста может рассматриваться как естественный эксперимент по сопоставлению языковых и речевых единиц в двух или нескольких языках в реальных актах межъязыковой коммуникации. Изучение переводов позволяет обнаружить в каждом из сопоставляемых языков немаловажные особенности, которые при одноязычных сопоставлениях часто остаются невыявленными. В этом случае перевод указывает на принципиальные отличия между языковыми и речевыми единицами разных языков. Эти факты, а также общая установка лингвистики XX в. на антропоцентризм, актуализация проблем, связанных с соотношением речи и мышления, сущности концептуальной системы, интерес к исследованию когнитивных механизмов определяют **актуальность** нашего исследования.

В XX в. важное место в теоретическом переводоведении занимает анализ самого *процесса* перевода, *мыслительных операций* переводчика, его *стратегий* и *технических приемов*. Такие операции недоступны для непосредственного наблюдения, поэтому разрабатываются косвенные методы изучения переводческого процесса, в частности, экспериментальные. Научный эксперимент как основное средство решения проблемы определил **объект** нашего исследования – текстовая лакуна как репрезентация когнитивного несоответствия менталитетов. Когнитивное расхождение – это расхождение в способах фиксации определенного стабильного ментального содержания стабильными же языковыми структурами. В работе рассматриваются различные виды и типы лакун. На наш взгляд, какая бы то ни была типология лакун является бессмысленной до тех

пор, пока не определена онтология самого явления - лакуны. Именно поэтому в нашей работе исследуются различные языковые единицы, которые так или иначе фиксируют ментальное несовпадение, репрезентированное в разных языках, - когнитивное несовпадение.

Отмечая, что лакуна – это отсутствие необходимой когнитивной модели/схемы/структуры, мы полагаем, вслед за Ю.А. Сорокиным, что такое отсутствие устанавливается с помощью наблюдения за процессом перевода с одного языка на другой, когда реципиенты даже с высоким уровнем языковой компетенции не могут понять инокультурный текст и, как следствие, предложить какой-либо вариант перевода. Мы моделировали ситуацию естественной переводческой деятельности в эксперименте и, наблюдая за полученными переводами, устанавливали «пропущенные» в переводе фрагменты исходного текста. Далее определялась возможная причина непонимания этого фрагмента «переводчиком», и дальнейшей интерпретации подвергались лишь те фрагменты текста, непонимание которых было вызвано несовпадением содержания способов фиксации определенного ментального содержания в языковых единицах, то есть несовпадением когнитивных структур. Таким образом, выявление лакун осуществлялось, безусловно, на основе их языковых репрезентантов, которые в некоторых исследованиях называются языковыми лакунами. Однако мы акцентируем в связи с такими лакунами не специфику языкового строя (хотя без исследования ее как базы когнитивного изучения обойтись практически невозможно), а моделируемую специфику когнитивных, то есть способов представления содержания в языке.

Поскольку когнитивная лингвистика не выработала в настоящее время своих специфических приемов и методов исследования, мы опираемся в своем исследовании на изучение языкового строя (в частности языковой семантики) как на базу для дальнейших интерпретаций и модельных построений. На наш взгляд, неправомерно говорить о когнитивном уровне наряду с уровнем языко-

вой семантики и структуры. В языковой структуре действительно существуют уровни, определяемые свойствами единиц языка, расположенных в порядке их иерархии. Уровни традиционно выделяются и в ряде распространенных семантических моделей. Но когнитивного уровня язык не образует, потому что когнитивное определяет способ структурирования единиц языка. Термины «процессуальность», «атрибутивность» могут быть как терминами грамматической семантики, так и терминами когнитивного плана. Это общенаучные (ср. употребление их в логике, семиотике, философии) термины.

Объектом нашего исследования являются текстовые лакуны, *предметом* – соотносимые/несоотносимые когнитивные структуры носителей русского и английского языков, а также компрессия/декомпрессия смысла, возникающая вследствие лакунарности текста.

Необходимо определить термины, используемые в работе. Под **когнитивной структурой** мы понимаем репрезентированное словом психическое образование, отражающее особый способ познания мира. В отличие от **ментальных процессов**, также реально существующих, но включающих и неосознаваемые компоненты, когнитивные процессы всегда вербализованы.

Исследуя когнитивную структуру, фиксированную словом, мы создаем **когнитивную модель**, которая объясняет принцип и механизм действия подобной структуры речесмыслопорождения. Когнитивная модель, не выявляя всех специфических признаков моделируемой структуры, обнаруживает совокупность основных характеристик, определяющих ее суть.

Когнитивная структура в зависимости от условий речесмыслопорождения выступает в виде различных модификаций, которые отражают актуализированные признаки когнитивной структуры. В исследовательских целях модификации когнитивной структуры представлены в виде различных **когнитивных схем**, описывающих ту или иную модификацию отдельно от других, функционирующих с ней в единстве.

Характеризуя практику реалистического перевода, В. Руднев предлагает назвать ее «синтетической». Исследователь считает, что «задача синтетического перевода... заключается в том, чтобы заставить читателя забыть не только о том, что перед нами текст, переведенный с иностранного языка, но и о том, что это текст, написанный на каком-либо языке». В противовес синтетическому переводу Руднев выделяет перевод аналитический. «Основная задача аналитического перевода – не дать читателю забыть ни на секунду, что перед его глазами текст, переведенный с иностранного языка, совершенно по-другому, чем его родной язык, структурирующего реальность, напоминать ему об этом каждым словом, с тем чтобы он не погружался бездумно в то, что «происходит», потому что на самом деле ничего не происходит, а подробно следил бы за теми языковыми партиями, которые разыгрывает перед ним автор, а в данном случае также и переводчик...» [Руднев, 2000: 51].

Мы вслед за В.А. Пищальниковой и И.А. Герман [Герман И.А., Пищальникова В.А., 1999] считаем, что лексемы в тексте реализуют не некое абстрактное системное значение, а фиксируют актуальные субъективные авторские смыслы с помощью конвенциональных семиотических единиц: «Содержание текста представляет собой функциональное поле смысла, а не речевую актуализацию семантического поля какой-либо лексемы». Поэтому эквивалентным следует считать не синтетический или аналитический переводы, а перевод, *в котором функции элементов эквивалентны функциям элементов исходного текста, так как смысловое их содержание возникает как функциональное образование в рамках конкретного речемыслительного процесса.* Это положение определило *цель* нашего исследования: *выявление сущности процесса компрессии/декомпрессии смысла как следствия когнитивной лакунарности текста и способа адекватной передачи смысла.*

Для достижения поставленной цели в работе решались следующие *задачи*:

1. выявление, описание и сравнение когнитивных структур, репрезентированных в текстах русского и английского языков;
2. классификация выявленных различий;
3. выработка стратегий адекватной передачи доминантного авторского смысла с учетом различий в когнитивных структурах носителей русского и английского языков;
4. экспериментальная проверка теоретического построения.

Научная новизна работы заключается в том, что *впервые компрессия/декомпрессия текста рассматривается как проявление когнитивной лакунарности*. Отличия исходного и переводного текста объясняются различиями в специфических познавательных структурах носителей русского и английского языков. Также впервые проведен сопоставительный анализ английских и русских когнитивных моделей на примере больших массивов текста, определены их универсальные и национально-специфические черты.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что системное исследование различий концептуальных структур носителей разных языков позволяет рассматривать их как один из компонентов когнитивной теории перевода. Описание различий когнитивных структур носителей разных языков позволит сделать выводы и о характере структурирования знаний в концептуальной системе индивида.

Практическую значимость данная работа имеет прежде всего для теоретического и прикладного переводоведения, а также для преподавания неродного языка и русского как иностранного. Исследование когнитивных моделей носителей разных языков позволит учитывать разницу между ними и преодолевать нежелательную интерференцию. Выработка стратегий перевода позволит создавать более адекватные переводные тексты.

Материалом для анализа послужили тексты английских и американских писателей (Маргарет Этвуд, Стивен Кинг, Вирджиния Вульф, Шервуд Андер-

сон, Ринг Ларднер, Кэтрин Энн Портер, Ф. Скотт Фиджеральд, Уильям Фолкнер, Эрнест Хэмингуэй, Бернар Маламуд – всего 15 произведений) и их переводы на русский язык, сделанные автором диссертации и полученные в результате эксперимента. Всего было обработано около 400 экспериментальных анкет (в каждой анкете от 3 до 8 фрагментов текста). Полученные данные позволили выявить когнитивные модели, характерные для носителей русского и английского языков, наиболее частотные стратегии перевода, используемые носителями русского языка, а также предложить наиболее адекватные стратегии перевода для каждого случая различий в когнитивных моделях.

В соответствии с поставленной целью и задачами, а также своеобразием предмета исследования в диссертационной работе использовались *методы*:

1. моделирование как метод познания и структурной характеристики объекта, используемый при выявлении сущностных свойств лингвистических единиц;
2. анкетирование и наблюдение, позволяющие выявить наиболее частотные стратегии перевода, используемые носителями русского языка;
3. сравнительный анализ оригинала и переводов;
4. компонентный анализ для определения различий в когнитивных моделях носителей разных языков;
5. количественный подсчет как элемент статистического анализа для обработки данных, полученных в ходе экспериментальной работы;
6. лингвистический эксперимент.

Апробация работы. Основные положения исследования в виде докладов и сообщений излагались на Всероссийской научно-практической конференции «Лингвистика и школа» (Барнаул, 1999), на студенческой научной конференции (Барнаул, 2000), на межвузовской научной конференции (Барнаул, 2001), на конференции «Литература и общественное сознание: варианты интерпретации

художественного текста» (Бийск, 2002). По теме диссертации имеется 5 публикаций.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения. Во введении излагаются некоторые подходы к переводу, проблемы, актуальные для современного переводоведения, определяются базовые термины, которые используются в исследовании.

Первая глава посвящена обоснованию общетеоретической базы исследования. В ней рассмотрены общие проблемы межкультурной коммуникации, взаимодействие языка и культуры.

Вторая глава посвящена рассмотрению проблем МКК в когнитивном аспекте. В ней рассматриваются попытки объяснить неудачи при МКК с различных позиций, обосновывается необходимость подхода к проблеме с позиций когнитивной науки, определяются основные понятия когнитивистики.

В третьей главе обосновывается подход к переводу как речемыслительной деятельности, подробно рассматривается такое понятие как декомпрессия текста.

В четвертой главе описывается экспериментальное исследование явления компрессии/декомпрессии смысла.

В заключении излагаются основные теоретические и экспериментальные выводы по диссертации, а также определяются некоторые перспективы исследования.

Диссертация включает список научных источников в количестве 144 наименований и словарей в количестве 6 наименований.

Положения, выносимые на защиту:

1. Лакуна – это отсутствие / несовпадение у носителя иного языка и культуры необходимой (адекватной использованной в оригинальном тексте) когнитивной модели/схемы/структуры.

2. Способы элиминирования лакун в тексте, предложенные с позиций лингвокультурологии, могут быть объяснены с позиций когнитивной науки: компенсация – это замена чужой, незнакомой когнитивной модели моделью переводного языка, а заполнение – создание интегративной когнитивной структуры в результате соединения моделей исходного и переводного языка.

3. Возможно образование новых когнитивных структур и моделей под влиянием неродного языка.

4. Сигналом для декомпрессии может являться несовпадение в разных языках имплицитно присутствующих частей соотносимых когнитивных структур носителей русского и английского языков.

Глава 1. Общие проблемы межкультурной коммуникации. К обоснованию теоретической базы исследования

1.1. Язык и культура: взаимодействие коммуникативных систем

В последнее десятилетие системоцентрическая лингвистика сознает необходимость перехода к антропологической парадигме исследования, в центре внимания которой находится комплекс проблем, связанных с *активной* ролью человека в формировании и функционировании языка. Особую значимость приобретают исследования в области межкультурного общения, соотношения национальных культур, выявления специфики национального менталитета, что объясняется современной ситуацией глобализации и одновременно мозаичностью культурного пространства, поисками новых путей развития и взаимодействия культур. Активизировались исследования в области национальной специфики. При этом во многих исследованиях наблюдается тенденция к интерпретации языка как явления национальной *культуры*. Все чаще подчеркивается мысль о том, что язык – это **явление культуры или компонент культуры общества**.

Поэтому естественно возрождение интереса теоретиков к концепции В. фон Гумбольдта, согласно которой язык является не только продуктом («эргон»), но и речетворческой деятельностью («энергейей»), создающей и сам язык, и языковое самосознание [Гумбольдт, 1984: 37-298]. Стало общим местом утверждение, что менталитет языкового коллектива и мышление человека не только запечатлены в языке, не только поддерживаются ими, но и в определен-

ной степени зависимы *от способа отображения внеязыковой действительности естественным языком, от репрезентированной им культурно-значимой информации.*

Рост интереса к характеру соотношения языка и культуры связан и с изменением социально-политической ситуации в мире. Расширяющиеся международные контакты делают особо актуальными вопросы *межкультурной коммуникации.*

Переход к антропологической парадигме привел к возникновению новой области гуманитарных исследований, находящейся на стыке языкознания и культурологии – лингвокультурологии. В центре этого научного направления находится круг проблем, связанных *с взаимодействием языка и культуры как целостных систем.*

Изучение национально-культурной специфики речевого и неречевого поведения тех или иных лингвокультурных общностей предполагает наличие некоторой *общей теоретической и операциональной базы*, на основе которой могли бы вестись исследования, относящиеся к ведению самых различных наук, но дополняющих друг друга. Фрагментами такой теоретической базы, имеющими теоретическое значение, на наш взгляд, можно считать теорию лакун Ю.А. Сорокина и И.Ю. Марковиной и концепцию «динамики межкультурного общения» И.Э. Клюканова.

В изучении проблемы «Язык и культура» наметилось несколько подходов. **Первый подход**, который разрабатывается отечественными философами (Э.С. Маркарян, Г.А. Брутян и др.), исходит из одностороннего воздействия культуры на язык и утверждает, что *с изменением действительности меняются культурно-национальные стереотипы и соответственно сам язык.*

Второй подход ставит своей задачей решение вопроса о воздействии языка на культуру. Этот вопрос пока остается открытым и остро дискуссионным. На основе понимания языка как духовной силы, впервые предложенного

В. Гумбольдтом, была выдвинута гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа, согласно которой каждый народ видит мир сквозь призму родного языка, отражая действительность в языковой картине мира. И хотя эта гипотеза долгое время многими учеными не принималась, в современной лингвистике она находит все большее число сторонников, т.к. помогает осмыслить многие факты, трудно объяснимые с других позиций.

Третий подход утверждает единство языка и культуры. Например, Н.И. Толстой [Толстой, 1995] говорит, что, с одной стороны, можно рассматривать отношение между культурой и языком как отношение целого и части, а с другой стороны, видеть в языке компонент культуры или орудие культуры. Язык – основной инструмент ее усвоения, это действительность нашего духа. Язык выражает специфические черты национальной ментальности. В рамках этого подхода развивается современная лингвокультурология.

Рассматривая вопрос о соотношении языка и культуры, необходимо прежде всего определить понятие «культура». В настоящее время наблюдается тенденция исследователей не определять это распространенное понятие, оставляя его как бы за скобками своих рассуждений, и отчасти поэтому *понятие культуры остается одним из наименее определенных и терминологичных в современной науке*. Так, В.М. Лейчик отмечал, что «к концу XX века формируется комплексное, всеобъемлющее определение, при котором культура понимается как совокупность всех материальных и духовных продуктов человеческой деятельности и как изменяющиеся в пространстве и во времени способы их создания и использования (присвоения). Когда такое определение принимается, культура соотносится со смежными и подчиненными ей сферами - искусством, наукой, производством, политикой, религией, моралью, спортом, средствами массовой информации, языком и др.. Культура при этом существует как национальная и (в возрастающей степени) интернациональная культура... Однако за рамками этого определения остаются многочисленные нерешенные вопросы

науки о культуре – культурологии, и прежде всего вопрос о соотношении культуры и языка» [Лейчик, 2001: 74].

Очевидно, что вопрос о том, относится ли язык к явлениям культуры, не может быть решен, пока понятие «культура» так или иначе не определено в своих сущностных признаках.

В. фон Гумбольдт говорит о связи языка и культуры: «Поздние плоды цивилизации и культуры тоже не проходят для языка бесследно: привлекаемый для выражения обогатившихся и облагороженных идей, он обретает отчетливость и точность выражений, образность высветляется работой воображения, поднявшегося на более высокую ступень, а благозвучие выигрывает от разборчивости и придирчивых требований утонченного уха. Но все эти успехи языка на высоких ступенях его развития возможны только внутри границ, очерченных изначально присущими ему задатками. Народ может и несовершенный язык сделать инструментом порождения таких идей, к каким первоначально не было никаких исходных импульсов, но народ не в силах устранить когда-то глубоко укоренившихся в языке внутренних ограничений. Здесь и самое высокое просвещение не дает плодов. Даже то, что привносят извне последующие эпохи, исконный язык приспособливает к себе и модифицирует по собственным законам». [Гумбольдт, 1984: 58]. При этом, говоря о цивилизации и культуре, В. фон Гумбольдт определяет их следующим образом: «Цивилизация есть очеловечивание народов в их внешних учреждениях, обычаях и в относящейся сюда *части внутреннего духовного склада*. Культура к этому облагороженному состоянию добавляет науку и искусство» [Гумбольдт, 1984: 59]. Очевидно, что для В. фон Гумбольдта культура является компонентом понятия «цивилизация». Для нас в данном определении важно то, что, в отличие от современных дефиниций, которые будут рассмотрены далее, при определении цивилизации В. фон Гумбольдт выделяет такую ее часть, как «внутренний духовный склад», который соотносим с понятием *менталитет*.

Э. Сепир определяет культуру как «передаваемую из поколения в поколение совокупность социальных навыков» [Сепир, 1993: 28].

В зависимости от принятия той или иной точки зрения на соотношение культуры и языка может решаться один принципиальный вопрос – о менталитете и в связи с этим о национальной картине мира: научной, художественной, фольклорной, языковой. «Большинство ученых до последнего времени склонялось к мысли об инварианте научного знания при возможности существования научной картины мира «в национальной языковой оболочке» и при четком различении национальных менталитетов, воплощенных и отраженных в национальных языковых картинах мира. Как следствие *отвергалась возможность взаимопроницаемости языков и культур* (национальные языковые картины мира «непроницаемы для иноязычного сознания») и признавалась лишь их взаимопостигаемость [Лейчик, 2001: 75] (курсив мой. – Е.П.).

Существующие современные определения культуры также не дают однозначного ответа на соотношение языка и культуры, но все более склоняются в сторону трактовки *культуры* прежде всего как определенного *уровня развития общества*. Такая трактовка выражена в целом ряде определений.

«Культура (от лат. *cultura* – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) – *исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях*» [Советский энциклопедический словарь: 677]. (курсив мой. – Е.П.).

«Культура (от лат. *cultura* – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) – специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в

совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе» [Философский энциклопедический словарь: 299].

«Культура. 1. *Совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни* [Словарь русского языка: 148] (курсив мой. – Е.П.).

Практически такое же определение отмечено и в «Большом толковом словаре русского языка»:

«Культура. 1. *Совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни.* [Большой толковый словарь русского языка: 479-480] (курсив мой. – Е.П.).

Очевидно, что все эти определения трактуют культуру прежде всего как *совокупность* всех духовных и материальных продуктов человеческого общества и как *ступень развития* общества, как *уровень социальных отношений*. Однако специфика лингвистического исследования требует актуализации такого компонента культуры, как язык и менталитет. При этом общество рассматривается как *локальное образование, противопоставленное другим обществам через язык и менталитет*. Поэтому более аргументированным мы считаем определение культуры, данное И.Э. Клюкановым.

И.Э. Клюканов понимает культуру как «коммуникативный универсум, который сохраняет свою самотождественность и границы которого заканчиваются там, где начинается перевод» [Клюканов, 1999: 3].

Такое определение, во-первых, позволяет акцентировать язык как основу коммуникативного универсума, во-вторых, оно в большей степени соответствует идеям, лежащим в основе современных исследований по межкультурной коммуникации.

Э.Сепир отмечал, что языковые формы и исторические процессы языкового развития представляют огромную познавательную ценность для понимания **наиболее сложных вопросов психологии мышления**. [Сепир, 1993: 26].

С позиций современной когнитивной лингвистики чрезвычайно важно, что для Сепира «язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собой переплетены: они в некотором смысле составляют *одно и то же*» (курсив мой – Е.П.).

Язык, по Сепиру, фиксирует именно шаблоны мысли – устойчивые, конвенционально частотные формы, которые могут называться фреймами, сценариями, схемами и т.д., но от этого их когнитивная сущность не меняется: это познавательные структуры, фиксированные в языке. Язык и шаблоны мысли в некотором смысле одно и то же потому, что язык – «**коллективное и с к у с с т в о мышления**, искусство, свободное от несущественных особенностей индивидуального чувства» [Сепир, 1993: 193].

В языке «воплощаются, закрепляются только те индивидуальные вариации, которые движутся в определенном направлении, подобно тому как только некоторые движения волн в бухте соответствуют приливу и отливу. *Дрейф языка осуществляется через неконтролируемый говорящими отбор тех индивидуальных отклонений, которые соответствуют какому-то предопределенному направлению.* Направление это может быть в общих чертах выведено из прошлой истории языка» [Сепир, 1993: 143-144] (курсив мой. – Е.П.).

«Предопределенное направление дрейфа языка» может быть объяснено как раз тем «коллективным искусством мышления», или, говоря современным лингвистическим языком, *национальными когнитивными механизмами.*

Если рассматривать культуру в широком смысле, то есть как совокупность достижений человечества в производственной и духовной жизни, то есть фактически как все, созданное обществом, то язык можно отнести к явлениям культуры.

Однако такой подход не выявляет ничего сущностного в языке, не определяет его специфики. Очевидно, разумнее соотносить язык с *духовной* культу-

рой, исключив из рассмотрения явления материальной культуры. Однако и отнесение языка к явлениям духовной культуры не лишено противоречий. Духовная культура создается целенаправленной деятельностью общества, при этом она в процессе развития и эволюции общества изменяется очень быстро и существенно. Язык же – это особое, хотя и общественно детерминированное явление, он развивается по своим собственным законам и не является результатом целенаправленной деятельности людей (хотя язык обслуживает коммуникативные потребности общества и, следовательно, изменяется вместе с обществом). Но, в отличие от сугубо духовных явлений, язык отражен в сознании, отражает сознание и имеет материальную сторону (тело знака), без которой он не может существовать.

На наш взгляд, язык следует относить к явлениям культуры как коммуникативного универсума, что позволит через исследование различий в языках говорить о различиях в ментальных процессах представителей разных культур.

Подход к языку как к национально-культурной ценности народа является весьма важным и плодотворным, так как на первое место в таком случае ставится национальная специфика каждого языка, его своеобразие в плане отражения ментальной и психологической самобытности каждого народа.

Тесная связь языка с культурой народа несомненна, хотя язык и не может быть поставлен в один ряд с такими явлениями национальной культуры, как литература, искусство, другие явления духовной культуры, и тем более в один ряд с явлениями материальной культуры. «Язык есть средство коммуникации, обслуживающее общество во всех сферах его существования и функционирования, в том числе и в сферах материальной и духовной культуры» [Стернин, 1999: 20].

Каждый народ создает свою культуру, свои национальные культурные ценности, в том числе постепенно формирует свою наивную языковую картину

мира, основанную на отражении и осмыслении условий существования данного народа, и так называемую научную картину мира. Эта национальная специфика воплощается в лексике, в национальной фразеологии, а также в известной степени в грамматической структуре языка, отражая национальный менталитет. Имеется огромное количество фактов, подтверждающих данное положение. Эти факты собраны в трудах лингвистов и этнологов, начиная от В. фон Гумбольдта и заканчивая авторами учебных пособий по лингвострановедению, лингвокультурологии и контактологии. В то же время интернационализация знания, глобализация проблем человечества, взаимообмен культурными ценностями на разных уровнях позволяют говорить о *превращении национального достояния в общечеловеческое, о создании интернациональных духовных продуктов*. В литературе появилось даже понятие *культурных универсалий*.

Изучением корреспонденции культуры и языка в их синхронном взаимодействии занимается лингвокультурология.

От других, ранее сформировавшихся направлений, изучающих связь языка и культуры, лингвокультурология отличается предметом, материалом, целью и методами анализа. Лингвокультурология возникла на базе этнолингвистики, которая исследует взаимозависимость языка, духовной культуры, менталитета, народного творчества. Этнолингвистические исследования проводятся на базе мифологических и фольклорных текстов, ритуалов, суеверий и т.д. и имеют своей целью восстановление на основе этих данных культуры народа и языковой картины мира, воплощенных в его языке.

Лингвокультурология изучает современное состояние и функционирование языка и культуры. Цель лингвокультурологии – *описание обыденной картины мира* в том виде, в каком она представлена в повседневной речи носителей языка, в разных (вербальных и невербальных) текстах культуры. Материалом лингвокультурологических исследований являются коммуникативные процес-

сы, литературные, религиозные, философские, фольклорные тексты как источники культурной информации.

Еще одним источником лингвокультурологии можно считать лингвострановедение. Главная установка страноведчески ориентированных концепций и словарей состоит в описании лексических и фразеологических единиц, обозначающих *культурную маркированность реалии*, то есть факты материальной, социальной жизни, истории, которые являются собственно национальными. Лингвострановедение оперирует понятием фоновых знаний. Фоновые знания – это внеязыковая информация, присутствующая в языковом знаке в качестве особых семантических долей его значения.

Таким образом, «*основным методом* анализа языковых знаков в лингвокультурологии... является процедура *соотнесения* групп или массивов *языковых знаков со знаками* (категориями, таксонами) *культуры*... *Культурная информация «рассеяна» в языке*, она осознанно или неосознанно воспроизводится носителями языка, употребляющими языковые выражения в определенных ситуациях, с определенными интенциями и с определенной эмотивной модальностью. *Задача* исследователя *состоит в интерпретации денотативного или образно мотивированного аспектов значения языковых знаков в категориях культуры*, то есть в соотнесении единиц системы языка с единицами культуры» [Опарина, 1999: 30] (курсив мой. – Е.П.).

При этом описание национальной картины мира невозможно без учета национальной культуры. «Известно, что становление и структурирование индивидуальной картины мира происходит в культуре, через разнообразную (в том числе речевую) совместную деятельность людей при обязательной реализации знаковой функции языка...» [Залевская, 1998 а: 8].

Цель лингвокультурологии состоит в изучении способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру. «Язык не только закрепляет и хранит в своих единицах концепты и установки культуры: через

него эти концепты и установки воспроизводятся в менталитете народа или отдельных его социальных групп из поколения в поколение. Через функцию трансляции культуры язык способен оказывать влияние на способ миропонимания, характерный для той или иной лингвокультурной общности» [Опарина, 1999: 31].

Выводы:

1. В последнее время проблемы, связанные с активной ролью человека в формировании и функционировании языка, выдвигаются в языковедении на первый план. Особо актуальными становятся исследования в межкультурной сфере, а также выявляющие специфические национальные черты явлений. При этом язык все чаще относят к явлениям культуры.

2. Понимание культуры как коммуникативного универсума, который сохраняет свою самоидентичность и границы которого заканчиваются там, где начинается перевод, позволяет акцентировать язык как основу коммуникативного универсума.

3. Шаблоны мысли, фиксируемые языком, – это устойчивые конвенционально частотные формы познавательных структур. Развитие, или, по Э. Сепиру, дрейф языка, может быть объяснен национальными когнитивными механизмами.

4. Возросшая интенсивность межкультурных контактов, взаимный обмен ценностями культуры на разных уровнях позволяют говорить о превращении национального достояния в общечеловеческое, о создании интернациональных духовных продуктов, что не может не отразиться на языке.

1.2. Специфика межкультурной коммуникации

1.2.1. Понятие теории межкультурной коммуникации и причины ее появления как особого раздела лингвистической науки

Успех или неудача коммуникативных взаимодействий зависят от культурно обусловленной коммуникативной компетентности участников коммуникативного события, т.е. сходства и различия в их процессах восприятия и символических системах. Культурно обусловленные различия приводят к особой разновидности коммуникации, называемой *межкультурной*, при которой коммуниканты из разных культур используют при прямом контакте *специальные языковые варианты и дискурсивные стратегии*. Термин *межкультурная коммуникация* относится к случаям, когда коммуникативная компетентность столь различна, что это отражается на исходе коммуникативного события.

Культура, отмечает М.Б. Бергельсон, существенным образом определяет когнитивную и прагматическую основы коммуникативной деятельности. Коммуникация определяется как «сложный, символичный, личностный, транзакционный и часто неосознаваемый процесс, который с необходимостью является неточным. Коммуникация позволяет участникам выразить некоторую внешнюю по отношению к самим участникам информацию, внутреннее эмоциональное содержание, а так же статусные роли, в которых они пребывают относительно друг друга» [Бергельсон, 2001: 167].

Язык как символическая система неоднозначен. Однако использование языка в коммуникации предполагает общность коммуникантов в трактовке языковых значений. Это становится возможным благодаря культурно обусловленной коммуникативной компетентности, под которой обычно понимаются общие

знания, разделяемые коммуникантами. Эти знания складываются из собственно символической системы, в терминах которой происходит коммуникация, и из знаний об устройстве внешнего мира.

Различия в индивидуальном опыте лежат в основе принципиальной неоднозначности языка. С другой стороны, общность базовых знаний о мире объясняет принципиальную переводимость сообщений с одного языка на другой и возможность понимания между членами одного языкового коллектива, пользующимися одной символической системой.

Культурно обусловленные различия знания могут быть описаны в специально разработанных форматах сценариев и фреймов, которые, в свою очередь, описывают различные сферы человеческой деятельности как схемы определенных, более простых шагов. При этом описание происходит в терминах базового метаязыка (например, один из наиболее известных метаязыков – *Lingua Mentalis* – уже много лет разрабатывается А. Вежбицкой).

Термин *межкультурная коммуникация* в узком смысле появился в литературе в 70-х гг. Основной целью этого направления стало изучение коммуникативных неудач и их последствий в ситуации межкультурного общения. Впоследствии произошло расширение понятия *межкультурная коммуникация* на такие области, как теория перевода, обучение иностранным языкам, сравнительная культурология, контрастивная лингвистика и т.д. В настоящее время исследования в области межкультурной коммуникации в основном фокусируются на поведении людей, сталкивающихся с различиями в языковой деятельности и последствиями этих различий.

Межличностная коммуникация опирается на индивидуальный опыт и возможна только при определенной степени общности его у участников общения. Исходя из этого говорят о *разных функциональных сферах межкультурной коммуникации*: межличностной, социальной, публичной, межгрупповой, про-

фессиональной, массовой коммуникации и коммуникации внутри малых групп [Бергельсон, 2001: 169-170].

1.2.2. Основные понятия и направления межкультурной коммуникации

Большинство исследований по межкультурной коммуникации имеют принципиальную прикладную ориентированность: их результаты предназначены для непосредственного использования в сферах деятельности и профессиях, которые осуществляют себя посредством коммуникации (в таких случаях ее называют *профессиональной коммуникацией*). К таковым относятся образование, общественно-политическая деятельность, управление, консультирование, социальная работа, журналистика и т.д.

В области межкультурной коммуникации можно выделить *психологические, социологические и лингвистические* направления. Это деление зависит как от объекта исследования, так и от применяемых методик.

Социологи, работающие в области межкультурной коммуникации, используют традиционные для этой науки методы анкетирования групп респондентов. Цель анкетирования - выявление ценностных установок и стереотипов, проявляющихся в поведении людей. Более общие социологические проблемы связаны с социальной адаптацией мигрантов, сохранением или потерей традиционных культур у национальных меньшинств и т.д.

Психологов в области межкультурной коммуникации интересует в первую очередь влияние культурных различий на процессы интерпретации и категоризации, а также онтология соответствующих поведенческих стереотипов.

Для *лингвистов* главное - как происходит коммуникация. Что в языковом сообщении сигнализирует о наличии межкультурного взаимодействия. Что именно характеризует сообщения, которыми обмениваются представители раз-

ных культур. Как именно происходит непонимание, неполное понимание, какие языковые особенности и механизмы позволяют компенсировать не(до)понимание.

С самого начала МКК имела ярко выраженную прикладную ориентацию. Это не только наука, но и набор навыков, которыми можно и нужно овладеть, особенно тем, чья профессиональная деятельность связана с взаимодействием между культурами.

Язык не только закрепляет и хранит в своих в своих единицах концепты и установки культуры. *Через язык эти концепты и установки воспроизводятся в менталитете народа.* Через функцию трансляции культуры язык оказывает влияние на способ миропонимания, характерный для той или иной лингвокультурной общности.

Исследователи выделяют 4 способа представления *культурной информации*:

1. культурные семы – выступают как способ отображения элементов культуры в номинативных единицах (лапти, самовар);
2. культурный фон – характеризует лексемы и фразеологизмы, связанные с явлениями социальной жизни и важными историческими событиями. Он также локализован в денотативном аспекте значения, но, в отличие от культурных сем, маркирован идеологически (серп и молот);
3. культурные концепты – абстрактные имена, обозначающие понятия из мира эмоций, состояний, ценностей. Определяют специфику языковой картины мира (истина, совесть, личность, правда). Понятийное содержание таких концептов выстраивается представителями лингвокультурной общности на основе национальных специфических ценностных ориентиров и социально исторического опыта. Их смысл и ассоциативное поле выявляется через устойчивую сочетаемость с другими словами-понятиями.

4. культурная коннотация – когнитивная по своему характеру интерпретация денотативно или образно мотивированных аспектов значения в терминах и категориях культуры [Ольшанский, 1999: 39].

По мнению исследователей [Трошина, 2000], большинство людей воспринимают привычный культурный стандарт как единственно возможный и правильный, что создает проблемы при общении. *Принятие тезиса о равноправии всех культур создает необходимые исходные предпосылки для взаимопонимания в процессе межкультурной коммуникации, хотя и предъявляет очень высокие требования к среднестатистическому человеку, поскольку лишает его привычных ценностных ориентиров.* Поскольку собеседники далеко не всегда могут и хотят отказаться от своих культурных предубеждений, связанных со своими культурными стандартами, то возникает взаимное непонимание. Кроме того, оно может возникнуть и вследствие недостаточной культурологической подготовленности коммуникантов даже при всем их желании идти навстречу друг другу.

Непонимание может возникнуть и при достаточно высоком уровне языковой компетенции говорящих, если под компетенцией понимать владение правилами грамматики. Собственно лингвистический анализ МКК не исчерпывается анализом языковых единиц, используемых в текстах, порождаемых в процессе межкультурного общения. Более перспективный подход к МКК может предложить этнография речи, которая изучает модели и правила поведения в различных речевых коллективах. Этот подход позволяет исследовать языковой и культурный аспекты коммуникации в тесной взаимосвязи и взаимозависимости.

С этих позиций коммуникативные неудачи при МКК могут быть объяснены, например, проникновением элементов культурного кода в языковой в процессе МКК. При заполнении пропусков в структуре фрейма на основании собственного национально-культурного опыта может привести к построению

ошибочных логических цепочек. Слова, отобранные под воздействием национально-культурного фрейма, могут вызвать неоправданные в другом коде ассоциации, что, в свою очередь, приводит к непониманию или неправильному пониманию. Например, когда мы говорим о дружбе, свободе, гневе, мы невольно приписываем этим понятиям культурно обусловленные смыслы, присущие соответствующим словам данного языка, тем самым придаем им несуществующую универсальность, что может явиться причиной коммуникативной неудачи. Например, английское понятие *friend* не включает в себя тех смысловых компонентов, которые присущи русскому понятию *друг* (например, возможность поделиться некоторой не предназначенной для других информацией или получить (предоставить) помощь, не считаясь с затратами).

Известно, что избыточность информации в монокультурной коммуникации тормозит коммуникативный процесс (наоборот, экономия усилий является важным фактором эффективного общения). При межкультурной коммуникации успешность общения, напротив, обеспечивается именно некоторой избыточностью информации (повторами, перифразами), что помогает коммуникантам избежать непонимания или неправильного понимания.

Если в обычной, монокультурной коммуникации, сценарные фреймы (скрипты) служат когнитивной основой для формирования связей между накопленным опытом и новым, полученным в процессе общения, то в МКК может проявиться **несовпадение скриптов в разных культурах**, что может привести к коммуникативной неудаче. Понимание того, что неуспешность межкультурной коммуникации возникает как следствие *несовпадения когнитивных моделей представителей разных культур*, позволяет иначе рассмотреть и проблему лакунизированности текста.

Реалии языкового существования этносов свидетельствуют не только об активизации процессов *заимствования отдельных элементов языка*. Возможно,

что заимствоваться могут и познавательные структуры, что проявляется в заимствовании типологических, структурных черт языков. Безусловно, для этого нужны серьезные типологические исследования. Когда мы говорим, что что-либо калькируется с другого языка, мы лишь фиксируем наличие этого элемента. Однако остается вопрос: почему это явление именно калькируется, почему не ищется соответствие какой-то другой структуре переводного языка? Возможно, дело в том, что при этом **заимствуется способ представления знания**, а не само знание. И именно заимствование способа представления знания позволяет построить в переводе более адекватную, а иногда и аналогичную структуру.

«Человек, воспитанный в условиях одной культуры, не только «монокультурен», но и *лингвоцентричен*» [Цветкова, 2001: 63]. Это означает, что познавательные структуры, фиксированные в данном языке, становятся инструментом «диалога сознаний» людей, принадлежащих к определенной лингвокультурной общности. ***«Значение, понимаемое как когнитивная модель, - средство и способ познания действительности. Отсюда становится понятной активизация заимствований при интенсификации межкультурной коммуникации, стремление к все большей универсализации значений»*** [Пищальникова, 2002: 14].

Возможно, в межкультурном общении происходит не только заимствование, но и образование новых познавательных структур в результате интеграции исходных. «Диалогом культур» в этом случае можно назвать **процесс активизации и/или создания механизмов, способов и средств порождения и репрезентации новых для лингвокультурной общности когнитивных моделей**. Это возможно в результате 1) «информационного взрыва», с репрезентацией которого языковые структуры определенного языка справляются, но с трудом, 2) влияния данного языка, в котором имеются познавательные структуры, наиболее адекватные новому содержанию. Поэтому лингвокультурные общно-

сти в настоящее время *заимствуют когнитивные компрессированные формы, структуры и развивают, порождают новые*» [Пищальникова, 2002: 14].

Исследователи выделяют еще одну закономерность в процессе МКК. «Сбой наступает тем вероятнее, чем ближе культуры друг к другу (в том числе и в чисто языковом отношении), то есть при значительной (но не полной!) общности культурем (социокультурных правил речевого поведения) и бихевиорем (реализации культурем)» [Трошина, 2000: 61].

Говоря о проблемах МКК, нельзя не упомянуть о так называемой «этнокультурной информации». *Этнокультурная информация* – это «информация о духовной культуре и ментальности народа, которая может быть эксплицирована по данным различных культурных кодов (в первую очередь естественного языка)» [Березович, 1999: 1]. При этом считается, что этнокультурную информацию составляют те представления о мире, которые определенным образом маркированы в рамках одной культуры. Маркировка нередко вносит дополнительные смыслы в представления об объектах действительности, причем эти свойства могут быть не связаны с физическими свойствами объекта.

Таким образом, содержание этнокультурной информации - это система знаний, представлений, оценок, описывающих явления, которые имеют маркировку при кодировании в языке и сферах культуры.

Выводы:

1. Культура существенным образом определяет когнитивную и прагматическую основы коммуникативной деятельности. Иногда когнитивные основы носителей разных культур столь различны, что эти различия приводят к коммуникативной неудаче.

2. Через язык концепты и установки культуры, хранящиеся в языковых единицах, воспроизводятся в менталитете народа. Транслируя культуру,

язык оказывает влияние на способ миропонимания, характерный для той или иной лингвокультурной общности.

3. В МКК может проявиться *несовпадение скриптов в разных культурах*, что приводит к коммуникативной неудаче. Понимание того, что неуспешность межкультурной коммуникации возникает как следствие *несовпадения когнитивных моделей представителей разных культур*, позволяет иначе рассмотреть и проблему лакунизированности текста.

4. Возможно, что в настоящее время обнаруживается тенденция к *обмену познавательными структурами, что проявляется в заимствовании типологических, структурных черт/характеристик языков, а также образование новых познавательных структур в результате интеграции исходных.*

Глава 2. Лакунизированность текста как проявление национальной специфики языка

2.1. Базовые понятия теории лакун. Классификации лакун

Проблемы, возникающие при МКК, привели исследователей к созданию так называемой «теории лакун», представителями которой являются Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, И.А. Стернин, Г.В. Быкова и другие.

Базовым в теории лакун является следующее допущение:

- Ю.А. Сорокин полагает, что процесс интракультурного / интеркультурного общения (и на межличностном, и на текстовом уровне) - это процесс *конфликтный* в силу различий *в объеме и структурировании личностного и этнического опытов*, вербальных и невербальных;
- процесс межкультурного общения можно рассматривать как диалог (полилог) в высшей степени оппозитивный - диалог сознаний;
- в ходе диалога оспариваются чужие когитивно-когнитивные и эмотивно-аксиологические позиции и установки, защищаются свои «точки зрения» и предпринимаются попытки совместить и согласовать чужое и свое, исходя из недооценки чужого и переоценки своего;
- в диалоге чередуются принятие и понимание с неприятием и непониманием, недооценка с переоценкой [Сорокин, 1998: 3.].

Вступая во взаимодействие с *инокультурным текстом* (а текст понимается как знаковая продукция, представляющая собой систему визуальных/звуковых сигналов, интерпретируемых реципиентом и образующих у него систему представлений (смыслов)), реципиент часто сталкивается с ситуацией, когда ему кажутся странными и непонятными некоторые фрагменты текста, а

иногда и весь текст. Такие *базовые элементы национальной специфики лингвокультурной общности, существующие в текстах и затрудняющие их понимание представителями другой культуры*, Ю.А. Соркин и И.Ю. Марковина называют *лакунами*. Процесс адаптации фрагментов ценностного опыта одной лингвокультурной общности при восприятии его носителями некоторой другой культуры, по существу, сводится к процессу устранения таких лакун в тексте перевода. Ю.А. Соркин выделяет 2 способа *элиминирования лакун* в тексте:

1. Заполнение – процесс раскрытия смысла некоторого понятия (слова), принадлежащего незнакомой реципиенту культуре.

2. Компенсация – для облегчения понимания фрагмента чужой культуры в текст вводится специфический компонент культуры реципиента. При этом в тексте некоторой культуры появляются элементы другой культуры – схожие или близкие к элементам исходной культуры, но не совпадающие с ними. Вследствие компенсации понимание текста инокультурным реципиентом облегчается, но утрачивается национально-культурная специфика исходной культуры. Таким образом, компенсация лакун влечет за собой утрату национальной специфики исходной культуры и обязательно вводит в текст новые элементы, принадлежащие культуре реципиента.

Исследователи выделяют различные *виды компенсации*. Например, указание на реалию, знакомую читателю (при описании дерева, незнакомого русскому читателю: «У него густая крона, как у нашей черемухи»), замена конкретного названия более общим (игра в джин – игра в карты).

Таким образом, *лакуны* являются *следствием неполноты и/или избыточности опыта лингвокультурной общности*. Метод установления лакун – метод сопоставления понятийных, языковых и эмотивных категорий двух культур. Этот метод состоит в следующем: воспринимая текст, реципиент использу-

ет набор правил, присущих только его языку и культуре. Предложенные ему правила некоторого иного языка, реализованные в некотором тексте, относятся к другому, не его собственному языку, и к другой, не его собственной культуре, и опознаются как непонятные и/или ошибочные.

Ю.А. Сорокин и И.Ю. Марковина разработали подробную классификацию лакун.

Прежде всего, лакуны подразделяются на лингвистические и культурологические.

К культурологическим лакунам относятся:

1. этнографические (отсутствие реалий);
2. ассоциативные (например, отсутствие ассоциаций на какое-либо имя собственное);
3. интеркультурные лакуны (например, несовпадение цветовой символики);
4. деятельно-коммуникативные – отражают специфику различных видов деятельности, характерные для того или иного этноса (например, загадки, жесты);
5. лакуны культурного пространства (ландшафта);
6. эмотивные – в тексте перевода появляются восклицательные знаки, многоточия для выражения эмоций, хотя эти знаки отсутствуют в тексте оригинала).

К лингвистическим лакунам относятся:

1. стилистические;
2. грамматические;
3. лексические.

Кроме того, выделяются текстовые лакуны (аллюзии) и игра слов. [Сорокин, 1998].

Перенос некоторого фрагмента опыта из одной культуры в другую осуществляется, как правило, под воздействием *двух основных факторов*:

1. Определение цели переноса тех или иных элементов одной культуры в другую. С одной стороны, целью может быть максимальная передача национальной специфики той или иной лингвокультурной общности (тексты по лингвострановедению). С другой стороны, целью может быть максимальное приближение описываемой культуры к культуре-реципиенту.

Стремление наиболее полно перенести специфику одной культуры в другую без соответствующих комментариев и пояснений крайне затрудняет понимание реципиентом фрагментов чужой культуры, в то время как обеспечение понимания элементов опыта незнакомой культуры предполагает элиминирование в той или иной степени ее национальной специфики.

2. Уровень (степень) значимости фрагментов опыта, подлежащих переносу из одной культуры в другую.

Ценность или значимость фрагментов опыта, подлежащих трансляции, может определяться размерами культурологической дистанции между культурами-коммуникантами, задачами общения, характером текста, в котором эти фрагменты зафиксированы.

В зависимости от этих двух факторов (цели межкультурной трансляции элементов опыта и их значимости) выбирается *адаптационная стратегия* – заполнение или компенсация.

По мнению Ю.А. Сорокина, «основным свойством лакун является их амбивалентность: они, с одной стороны, аттрактивны – как все оцениваемое в качестве непонятого, странного или экзотического, ошибочного (конечно, такая оценка требует от реципиента соответствующей рефлексивно-культурологической изошренности), а, с другой стороны, деструктивны, ибо являются причинами непонимания [Сорокин, 1998: 4].

Среди разработчиков теории лакун следует также выделить И.А. Стернина и Г.В. Быкову, изучающих проблему взаимоотношения лакун и *концептосферы* отдельного народа.

Авторы выделяют 2 основных *вида лакун*: «внутриязыковые (отсутствие слова в языке, выявляемое на фоне наличия близких по семантике слов внутри той или иной лексической парадигмы) и межъязыковые лакуны (отсутствие лексической единицы в одном из языков при ее наличии в другом)» [Стернин, Быкова, 1998: 55]. При этом вопрос о понятийных лакунах в связи с лакунами лексическими, по мнению авторов, возникает применительно к лакунам обоих типов.

В каждом языке существует большое количество внутриязыковых лакун, то есть «пустых», не заполненных мест в лексико-фразеологической системе языка, хотя близкие по значению лексемы могут присутствовать. Однако такое отсутствие единицы в системе языка свидетельствует, по мнению авторов, не об отсутствии концепта, а об отсутствии коммуникативной потребности в его выражении [Стернин, Быкова, 1998: 63]. На наш взгляд, с этим утверждением трудно согласиться. Скорее наоборот, отсутствие названия как раз и говорит об отсутствии концепта. Тело знака – интегративный компонент частей концепта. Именно языковой знак возбуждает процесс смыслопорождения при интерпретации сообщения. Отсутствие языкового выражения означает отсутствие концепта в концептуальной системе индивида.

В результате И.А. Стернин и Г.В. Быкова приходят к выводу, что «национальная специфика мышления обусловлена не национальным языком, а национальной действительностью. Отсутствие лексической единицы (внутриязыковая или межъязыковая лакуна) вовсе не означает отсутствия в сознании народа соответствующего концепта, за исключением случаев мотивированных языковых лакун, отражающих отсутствие у народа конкретных предметов или явлений» [Стернин, Быкова, 1998: 66].

С таким выводом нельзя согласиться. Национальная специфика мышления в большой степени обусловлена национальным языком. По нашему мнению, *значение слова как когнитивная структура задает способ интерпретации сообщения*. А в разных языках за словами стоят разные когнитивные структуры. Кроме того, каждое языковое явление, каждая категория языка имеет свой ментальный коррелят в концептуальной системе индивида. Для правильного понимания каких-либо языковых фактов чужого для реципиента языка необходимо именно образование этих новых для индивида ментальных коррелятов (когнитивных моделей и структур, представленных иностранным языком). Такое образование чаще всего имеет место при изучении иностранного языка в школе, вузе и т.д. Совершенное знание иностранного языка, в таком случае, предполагает присвоение всего «когнитивного запаса» носителей иностранного языка и, кроме того, владение этими новыми моделями и структурами на операциональном уровне. Однако на деле присвоение всего чужого «когнитивного запаса» требует достаточно долгого времени. Именно поэтому даже люди, достаточно долго изучавшие иностранный язык, часто сталкиваются с проблемами при переводе. Неуспешность межкультурной коммуникации возникает как раз вследствие когнитивной лакунарности (мы не говорим о случае незнания значения слова либо незнании грамматических и других правил иностранного языка), а именно вследствие *несовпадения когнитивных моделей представителей разных культур либо отсутствия у индивида когнитивной модели, репрезентированной иноязычным текстом*. Тогда *элиминирование лакуны – наиболее адекватная передача чужой когнитивной модели / структуры, представленной в иноязычном тексте, средствами другого языка*. Опираясь на традиционное определение лакуны в межъязыковом плане как отсутствие точных соответствий звуков, слов, словоформ или синтаксических моделей, определить лакуну с позиций когнитивной лингвистики можно как *отсутствие точного соответствия когнитивных моделей*. Но так как у ког-

нитивной лингвистики пока нет собственных методов исследования, мы используем в нашей работе структуру значения. Только исследуя отдельные языковые единицы разных языков, фиксирующие когнитивные различия, мы можем выйти на когнитивный уровень.

Однако теории лакун Ю.А. Сорокина и И.Ю. Марковиной, И.А. Стернина и Г.В. Быковой при всех их достоинствах, на наш взгляд, имеют и недостатки.

Рассмотрим определение лакун Ю.А. Сорокин и И.Ю. Марковина определяют лакуны как *базовые элементы национальной специфики лингвокультурной общности, существующие в текстах и затрудняющие их понимание*. Однако такое определение не отражает сущностных черт лакуны. Лакуна – базовый элемент. Но элемент чего? Языка? Культуры? Сознания? Определения лакуны, данного с лингвокультурологических позиций, явно недостаточно для понимания сущности лакуны, а также для выработки способов заполнения лакун и для построения структуры анализа. Также не объясняется, почему эти базовые элементы затрудняют понимание текста инокультурными реципиентами. Очевидно, определение лакуны дано в рамках традиционной парадигмы, хотя сам объект анализа – лакуна – нетрадиционен. Вызывает вопросы и вышеприведенная типология лакун, являющаяся по своему характеру также культурологической, а не лингвистической.

Методические приемы исследования межкультурных различий стали разрабатываться еще в начале XX в. Основные усилия были направлены на поиск *методов, свободных от культурологических доминант*. Позднее стало ясно, что поиски таких методов обречены на неудачу, и главной задачей стал поиск универсальной межкультурной методической основы. «Развитие современных технологий и средств массовой информации все более унифицирует человеческое поведение и *расширяет зоны, все менее зависящие от этнокультурной*

принадлежности. Поэтому помимо выделения в различных культурах уникальных и специфических особенностей в них можно выделить не только универсальные общечеловеческие структуры, но и универсальные психологические зоны, возникшие под влиянием продуктов современной человеческой цивилизации. Универсальные образования, в свою очередь, преломляясь сквозь призму каждой культуры, также становятся культурно специфическими, но тем не менее сами эти образования и законы их преломления, видимо, все же имеют общую природу» [Герман, Пищальникова, 1999: 74].

«...более актуальным является изучение даже не специфики в семантике языков, а *характера обнаружения национальной специфики смыслов речевого произведения в процессе понимания*» [Герман, Пищальникова, 1999: 74] (курсив мой. – Е.П.).

Представляется, что более точное определение и объяснение явлению лакунизации можно дать с позиций когнитивной науки.

2.2 Основные положения когнитивной науки

Термин «когнитивная наука» (англ. cognitive science) (далее КН. – Е.П.) был введен несколько десятилетий назад для обозначения круга научных дисциплин, объектом изучения которых стали процессы, связанные с получением, обработкой, хранением, использованием, организацией и накоплением структур знания, а также с формированием этих структур в мозгу человека. Когнитивная наука – это наука о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в систему данных, которые репрезентированы нашему сознанию и составляют основу ментальных процессов. Чаще всего КН определяют как науку о системах репрезентации знаний и обработки информации, приходящей к человеку по разным каналам.

В специальной литературе нередко говорят не только о КН, но и о когнитивных науках, куда включаются психология, антропология, моделирование искусственного интеллекта и нейронауки. Тем не менее, все эти науки напрямую связаны с постановкой и решением эпистемологических проблем: природой знания и познания, источниками знаний, их систематизацией, развитием знания.

Исследователи выделяют 5 основных характеристик КН:

1. убеждение в том, что, описывая когнитивные способности человека, предполагают существование особого уровня ментальных репрезентаций, который надлежит изучать в известном отвлечении от его биологических и нейрологических особенностей, с одной стороны, и от социальных и культурологических, с другой;

2. признание центральной роли электронных компьютеров для понимания устройства человеческого разума; компьютеры считаются при этом не только незаменимым средством проведения целого ряда специальных исследований, но и служащими моделью функционирующего мозга;

3. стратегически и методологически (в американской КН) считается возможным намеренно отвлекаться от некоторых факторов, которые, несомненно, воздействуют на когнитивные процессы, но включение которых в программу исследования повлекло бы за собой ее чрезвычайное усложнение (в первую очередь это эмоциональные, исторические и культурологические факторы);

4. вера в междисциплинарный характер программы КН и возможность в отдаленном будущем выработать концепцию такой единой науки, внутри которой границы между прежними дисциплинами будут стерты;

5. признание того, что за вопросами, встающими сегодня перед КН, существует огромная традиция, начало которой положено в античности. [Кубрякова, 1994: 34-35].

Анализ познавательных процессов, методов получения знания – все это давно проводилось в философии логики. Как следствие этого, в современной

КН развиваются такие аспекты изучения, которые напрямую не связаны с языком. Вместе с тем в настоящее время прослеживается четкая тенденция сблизить исследование когниции (процессов, так или иначе связанных со знанием и информацией), с изучением языка. «Язык как некая структура по своей внутренней природе есть форма мысли» [Сепир, 1993: 41]. Как уже отмечалось, центральной в когнитивном подходе к языку является категория знания. «Язык как основное средство фиксации, хранения, переработки и передачи знания выступает в качестве своеобразной системы различных «упаковок» знания. Таким образом, на первый план выдвигается вопрос о видах знания и способах их языкового представления» [Беляевская, 1994: 89]. Тем не менее, это не превращает КН ни в науку о языке, ни в науку о знании. Просто на современном этапе КН разрешение насущных проблем концептуального анализа видится в последовательном изучении языковых проявлений деятельности человеческого сознания и связывается главным образом с познанием той инфраструктуры мозга – когнитивной системы, которая обеспечивает всю эту деятельность. Язык же рассматривается как главная когнитивная составляющая этой инфраструктуры. Акцентируется, что «язык не просто «вплетен» в тот или иной тип человеческой деятельности, но образует ее речемыслительную основу, объективируя замысел деятельности, ее установки, разные компоненты деятельности. Эти объективированные и непосредственно наблюдаемые результаты деятельности образуют ту эмпирическую область данных, на базе которых могут далее изучаться такие когнитивные феномены человеческого сознания - память, правила логического вывода и умозаключений и т.п. На долю лингвиста выпадает поэтому строить предположения ... о том, какие языковые выражения, категории, единицы связаны с восприятием мира и как они отражают его познание. Про эту ипостась языка и говорят, что он позволяет доступ к ненаблюдаемому когнитивному миру человека, структурам его сознания [Кубрякова, 1994: 37].

Для нашего исследования важно, что именно данные лингвистических исследований позволяют судить о мыслительной, интеллектуальной, ментальной деятельности человека, о его сознании и мышлении.

«Важной особенностью когнитивного направления, как отмечают его сторонники, является радикальное переключение от объекта к субъекту, т.е. порождение и восприятие речи рассматривается как конструктивная деятельность субъекта, осуществляемая на основе имеющихся у него знаний» [Кузнецов, 2000: 9].

Представляется, что именно когнитивный подход к проблемам межкультурной коммуникации может стать методологической основой анализа и позволит дать явлению лакунизации наиболее непротиворечивое объяснение.

Выводы:

1. «Теория лакун» возникла в рамках лингвокультурологического аспекта изучения языка как попытка объяснить неудачи при МКК. Однако, на наш взгляд, эта теория не смогла решить проблемы.

2. Определения лакуны, данного с лингвокультурологических позиций, явно недостаточно для понимания сущности лакуны, а также для выработки способов устранения лакун и для построения структуры анализа. Представляется, что более плодотворным окажется подход с позиций когнитивной лингвистики.

3. Лакуна с позиций когнитивной лингвистики – это отсутствие / несовпадение когнитивных моделей / структур, репрезентированных в иноязычном тексте и имеющихся у индивида.

4. Элиминирование лакуны с позиций когнитивной лингвистики – ***наиболее адекватная передача чужой когнитивной модели / структуры, представленной в иноязычном тексте, средствами другого языка.***

2.3. Когнитивный аспект исследования проблем межкультурной коммуникации

С появлением ряда новых дисциплин, возникших на стыке с лингвистикой (психолингвистика, этнолингвистика, теория речевых актов, анализ дискурса, когнитивная грамматика, теория и практика искусственного интеллекта и др.), языковедение стало все быстрее двигаться в сторону широкого понимания языка, опирающегося на трактовку его в духе теории деятельности. В науке о языке все более явным становилось стремление к интеграции лингвистического знания.

«... мы лучше стали понимать, что язык ...есть прежде всего деятельность, а так называемая языковая система (*la langue*, по Ф. де Соссюру) – это, с одной стороны, программа для общения, «записанная» в психоневрологическом механизме каждого из нас, с другой – лингвистическое описание, более или менее точно моделирующее эту программу на основе наблюдений над текстами, лингвистических экспериментов и заимствованного из других (так называемых точных) наук метода моделирования. [Сусов, 1988: 18].

Человеческая деятельность состоит, во-первых, из процессов познания окружающего мира, его теоретического освоения, во-вторых, из процессов передачи добытых знаний (актов коммуникации), возможным благодаря наличию множества знаковых систем. Наиболее важной из этих систем является язык. Он не только является средством передачи и приема информации, но и обрабатывает получаемую индивидом извне информацию в коммуницируемую форму, т.е. строит *специфические языковые фреймы*. Именно благодаря языку становится возможным упорядочение и систематизация в памяти множества знаний, построение характерной для каждого данного этнокультурного коллектива языко-

вой картины мира. *Коммуникативная и когнитивная функции языка нерасторжимы.* Поэтому когнитивная лингвистика (КЛ) определяется как *направление, в центре которого находится язык как общий когнитивный механизм.* Язык признается одновременно и коммуникативной, и когнитивной структурой.

Лингвистика тесно связана с КН, и особенно той ее частью, которая занимается исследованием значения языковых форм и выражений и семантики. *Само значение языковых выражений – когнитивный феномен, а любые данные об этом феномене проливают свет на структуры сознания и их внутреннее устройство.* Считается, что «наиболее существенные из представлений нашего мозга и имеющихся структур сознания – это те, которые уже сформировали значение языковых знаков», то есть репрезентирующие структуры сознания с помощью языковых знаков. [Кубрякова, 1994: 37].

КЛ занимается изучением ментальных основ понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как *структуры языкового знания представляются/репрезентируются и участвуют в переработке информации.*

Языковые данные обеспечивают наиболее *очевидный и естественный* доступ к когнитивным процессам и механизмам; само их появление можно рассматривать как следствие определенного процесса и действие определенных механизмов, связанных с ментальной и когнитивной деятельностью человека:

«...объективация действий с языковыми репрезентациями, которую мы наблюдаем в речевой деятельности, действительно, может служить ключом к пониманию целого ряда когнитивных операций» [Кубрякова, 1994: 41]. Таким образом, *возможность объективировать ментальную деятельность, вербализуя ее результаты, делает показания языка бесценными для изучения ментальных процессов.*

Обращение КН к лингвистическим данным мотивировано тем, что языковые единицы, языковые категории и языковые классы указывают, хотя и с разной степенью опосредования, на ту содержательную информацию, которая

уже стала продуктом человеческой обработки. «Поток речи не только следует за внутренним содержанием сознания, но он *параллелен* ему в *самых различных условиях*» [Сепир, 1993: 36].

Совокупность знаний о мире в языковом сознании определенным образом структурирована. *Выявление концептуальных структур возможно лишь через язык, его формы.* Анализ языковых структур делает возможным реконструкцию ментального механизма понимания и производства речи, а также структур языкового сознания, участвующих в переработке информации. «Мышление можно считать естественной областью, отличной от искусственной сферы речи, но речь есть единственный возможный путь, приводящий нас к этой области» [Сепир, 1993: 36].

Среди проблем, актуальных для КЛ, для нас важны следующие:

1. исследование явлений внутренней ментальной природы человека с помощью языка как общего когнитивного механизма, когнитивного инструмента;
2. признание того, что собственно языковых знаний недостаточно для понимания языковых сообщений, в связи с этим обращение к экстралингвистическим знаниям;
3. принятие субъекта общения в качестве активного начала;
4. обращение к эксперименту, позволяющему исследовать языковую способность значительного количества носителей языка.

«Когниция (cognition, Kognition) – центральное понятие когнитивной науки, ...причудливо сочетающее в себе значения двух латинских терминов – *cognitio* и *cogitatio* – оно передает смыслы «познание», «познавание» (т.е. фиксируя как процесс приобретения знаний и опыта, так и его результаты), а также «мышление», «размышление». Чаще всего оно обозначает познавательный процесс или же совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов – восприятия мира, простого наблюдения за окружающим, **категоризации,**

мышления, речи и пр., служащих **обработке и переработке информации**, поступающей к человеку либо... К. неразрывно связана с языком не потому, что она обязательно протекает в языковой форме, но потому, что мы можем рассуждать о ней только с помощью языка; точно также не обязательно считать, что все результаты К. обладают языковой... К. лучше всего изучать, исследуя язык. Полагая, что К. = **когнитивной обработке информации**, К. можно исследовать, исследуя процесс обработки информации языковой». [Кубрякова и др., 2001: 42-43].

Для нас важно, что, по мнению исследователей, во-первых, *когнитивные структуры привязаны к вербальным (символьным) структурам*, а во-вторых, *основные механизмы когниции универсальны* [Демьянков, 1994: 24]. Универсальность основных механизмов когниции позволит нам вообще сравнивать когнитивные структуры носителей разных языков. При этом подчеркивается, что универсальны **основные** механизмы когниции, что не отрицает включения в знак специфических идеоэтнических компонентов. Утверждение, что существует связь между когнитивными структурами и вербальными (символьными) структурами позволяет нам предположить, что за соотносимыми лексемами разных языков стоят разные когнитивные структуры.

Для нашего исследования важны следующие теоретические положения, выдвинутые В.З. Демьянковым: *когниция организует в человеке смыслообразование и использование значений в рамках культуры, - делая значения общим достоянием людей, принадлежащих одной культуре. Речевое общение направлено на установление договоренностей о нормах в употреблении значений, интерпретаций и понятий... Способ представления (репрезентации) знаний согласуется с социокультурным опытом человека – носителя знания* [Демьянков, 1994: 25] (курсив мой. – Е.П.).

При интерпретации текста и при восприятии действительности люди используют *универсальные* (не зависящие от конкретного языка) и *неуниверсальные когнитивные процессы*

При этом выделяются:

- переменные когниции, варьирующиеся от языка к языку; например, сведения о морфемах, о синтаксических конструкциях, о фонологических противопоставлениях, даже о категориях, прототипах и семантемах (семантических противопоставлениях, возможностях этих противопоставлений сочетаться в рамках одной языковой единицы);

- универсальные стратегии использования этих «знаний» (а точнее «когниций») при продуцировании и интерпретации сообщений на конкретном языке. [Демьянков, 1994: 28].

В.З. Демьянков считает, что конкретные знания «пристегиваются» к универсальному и конечному набору когнитивных стратегий, обладающих контролирующей, распознающей или интерпретирующей, функцией. Когниции человека и его конкретные знания не остаются неизменными. Возможно образование новых стратегий, не зависящих от конкретного языка.

Расширенные когнитивные системы – результат взаимодействия опыта человека с все время расширяющимся запасом оптимизирующих стратегий, а не только абсолютного прироста знаний, представленных в виде атомарных пропозиций». Активность человеческой когниции опирается на функционирование единого и неизменного универсального механизма и на совокупность приобретаемых навыков. [Демьянков, 1994: 28].

Приобретение оптимизирующих стратегий – не простое пополнение уже имеющегося набора стратегий, а их *модифицирование и дальнейшее усовершенствование*.

Для исследования процессов межкультурной коммуникации важно, что *главным поводом для изменения языковой когниции может быть конкретный*

эпизод удачного или неудачного использования языка, в частности, при понимании другого человека, то есть успешность/неуспешность коммуникации.

Важно то, что элементы знаний, соответствующие обязательным категориям данного языка, ассоциированы с инвариантными когнитивными моделями. Однако в процессах межкультурной коммуникации возникает проблема отсутствия нужной когнитивной модели, необходимой для адекватного понимания/перевода инокультурного текста. Маркерами таких ситуаций являются, по В.З. Демьянкову,

- непонятность слова, словосочетания, странность конструкции предложения и т.п.;
- нехватка нужных слов для выражения требуемых отношений между схемами;
- непроясненность смысла воспринимаемой и продуцируемой речи [Демьянков, 1994: 29].

Поскольку когниции влияют на усвоение языка, то ***возможно образование новых когнитивных структур под влиянием языка***. Это означает, что когнитивные структуры – это структуры функциональные. Поэтому по принципу функционирования языковая когниция совпадает с интерпретацией в широком смысле.

Таким образом, в общечеловеческой когниции заложены универсальные когнитивные стратегии. По мере их использования у человека накапливаются знания и появляются новые оптимизирующие стратегии, позволяет ему все быстрее и проще усваивать новую информацию. При этом предполагается, что универсальные стратегии встроены в человеческий мозг, имеют врожденный характер.

На основании сказанного можно предположить, что ***человек, изучающий иностранный язык, усваивает и инокультурные оптимизирующие стратегии. Следовательно, у человека, знающего иностранный язык, оптимизи-***

рующих стратегий больше, они сложнее и позволяют индивиду осуществлять интерпретации быстрее, оптимальнее.

Выводы:

1. Язык – средство упорядочивания и систематизации в памяти множества знаний. Каждая лингвокультурная общность свою языковую картину мира на основании своего языка.

2. Само значение языковых выражений – когнитивный феномен. Язык объективирует ментальную деятельность, вербализуя ее результаты. Таким образом, на основе языковых данных становится возможным изучение когнитивных процессов.

3. Наличие связи между когнитивными структурами и вербальными структурами, а также универсальность основных механизмов когниции делают возможным сравнение когнитивного запаса носителей разных языков.

4. Успешность/неуспешность коммуникации может быть поводом для изменения языковой когниции, для пополнения запаса оптимизирующих когнитивных стратегий. Следовательно, возможно образование новых когнитивных структур под влиянием неродного языка.

2.4. Теория лакун с позиций когнитивной лингвистики

Для процесса построения смыслов знаков-объектов характерно то, что новые смыслы, или концепты, строятся на основе имеющихся. Последние служат в качестве *семантических анализаторов* воспринимаемого, познаваемого субъектом и в качестве *составляющих образуемого или порождаемого таким*

образом смысла или структур смысла, то есть в качестве частей концептуальной системы. Следовательно, данный процесс является континуальным: мы воспринимаем, познаем только такие объекты, которые мы способны «схватить» посредством содержащихся в нашей концептуальной системе смыслов, и это представляет собой способ интерпретации этих знаково-объектов, способ их осмысления нами» [Павиленис, 1982: 383]. Таким образом, наша неспособность «схватить» какие-либо объекты (в том числе и непонимание, невозможность элиминировать языковую лакуну) объясняется отсутствием в нашей концептуальной системе необходимых для этого когнитивных схем.

«Концепт существует в ментальной реальности человека (его сознания) как совокупность знаний и информации об актуальном или вероятном положении дел в реальном мире в контексте эмоций, переживаний, ассоциаций и так далее. Осознание его как ментального образования позволяет не только реконструировать ментальный мир носителя концептуальной системы, мир его психики, но и воссоздать его этнокультурный образ, его этноментальную характеристику, ибо концепт – это *фрагмент этнокультурной среды в ментальном мире человека*» [Фесенко, 1999: 12] (курсив мой. – Е.П.).

При интерпретации какого-либо текста система вербальных значений соотносится с социо- и этнокультурной компетенцией носителя языка, концептуальное наполнение которой и является одной из определяющих черт ментальности народа.

Суть коммуникации сводится к включению коммуниканта во встречный процесс смыслопорождения. «Различие вербальных выражений и сопоставление их с реальными ситуациями осуществляется посредством ...концептуальной системы (индивида), причем смысл языковых выражений оказывается «вплетенным» в эту концептуальную систему, отражающую познавательный опыт ее носителя. ...*Конструирование концептуальной системы отражает предпоч-*

тение, отдаваемое в данной системе определенному концепту или определенной их структуре, поскольку они, выражая суждение носителя языка, служат ориентационной основой его отношения к действительности» [Фесенко, 1999: 13] (курсив мой. – Е.П.). Таким образом, проблемы во время встречного процесса смыслопорождения при межкультурной коммуникации (то есть непонимание или проблемы при переводе) следует относить на счет разницы концептуальных систем коммуникантов (разница в когнитивных структурах/моделях/схемах), если, конечно, они не вызваны отсутствием необходимых фоновых знаний или правил грамматики чужого языка.

Языковые выражения – это репрезентанты когнитивных моделей носителей иного языка и культуры. Сравнение таких языковых выражений в разных языках позволяет выявить различия в когнитивных моделях носителей этих языков. Если значение слова – это когнитивная структура, задающая способ обработки информации, то причины непонимания следует искать в различиях в когнитивных структурах. Если человеку известно значение иноязычного слова, но он не может понять иноязычное выражение, значит, у него *нет соответствующей когнитивной схемы*, представляющей собой ту или иную модификацию когнитивной структуры, представленной словом.

2.5. Перевод как передача актуального личностного смысла

Пользующиеся переводом исходят из того (часто при этом понимая условность существования перевода), что перевод во всех отношениях полностью идентичен оригиналу, причем подобная равноценность иноязычному тексту предполагается у любого перевода, независимо от его реальной близости к оригиналу.

В настоящее время не существует общепринятой концепции перевода. Такое положение вполне объясняется акцентуацией именно *специфики* перевода как речевой деятельности, чему способствует и уникальность содержания мышления людей, принадлежащих к разным культурам, говорящих на разных языках.

«...именно совпадение концептуальных схем, представленных в инокультурном тексте и в речемыслительной деятельности реципиента (переводящего), ведет к пониманию. Если же концептуальная схема, представленная в тексте, не известна реципиенту, то понимание не осуществляется, текст лакунизируется» [Герман, 2000: 111-112]. По мнению И.А. Герман, несмотря на огромное количество имеющихся в современной лингвистике переводческих концепций и принципов, ни один из них *не задает какой-либо закономерности перевода*» [Герман, 2000: 112].

Очевидно, что необходима разработка теории перевода, которая опиралась бы на *концептуальный анализ*, «когда содержание текста представляется как *функциональное поле смысла*, а не речевая актуализация семантического поля какой-либо лексемы. Следует изучать *взаимоотношение компонентов доминантного смысла* текста как синергетического процесса смыслопорождения, представленного вербально, в котором лексемы не реализуют некое абстрактное системное значение, а фиксируют *актуальные субъективные авторские смыслы* с помощью конвенциональных семиотических единиц» [Герман, 2000: 112].

Таким образом, вербальные единицы, должны, с одной стороны, обеспечивать выход на индивидуальную картину мира, в рамках которой и осуществляется любое понимание, а с другой – быть средством соотнесения личностных картин мира, для чего необходима общепринятая системность значений слов [Фесенко, 1999: 39]. Исследование концептуальной системы индивида, осуществляемое на основе анализа его речи, позволит делать выводы и об общей, «национальной концептуальной системе» всех носителей того или иного языка.

Именно общепринятая системность значений слов и правил их употребления (то есть общность когнитивных структур, а также когнитивных моделей) делают возможной понимание между людьми – носителями одного языка и культуры. С другой стороны, разница в когнитивных моделях и структурах у носителей разных языков (которая в языках проявляется в частности как типологические различия) затрудняет понимание иноязычного текста. Типологические различия языков связаны с когнитивной лакунарностью. Исследуя речевые произведения носителей иного языка, выявляя стабильные, общепринятые способы выражения смыслов, мы можем обнаружить различия в способах познания, то есть в когнитивных структурах и моделях.

Выводы:

1. В процессе встречного смыслопорождения новые смыслы, или концепты, строятся только на основе концептов, уже имеющих в сознании индивида. Неспособность понять что-либо в тексте свидетельствует об отсутствии в концептуальной системе человека когнитивной схемы, адекватной представленной в тексте.

2. Отсутствие общепринятой концепции перевода объясняется спецификой перевода как речевой деятельности, чему способствует уникальность содержания мышления представителей разных лингвокультурных общностей. Решение проблемы видится в создании такой теории перевода, которая рассматривала бы текст как функциональное поле смысла, а не речевую актуализацию семантических полей лексем.

3. Исследование оригинальных текстов и их переводов, выявление стабильных общепринятых способов выражения смыслов, сравнение этих способов у носителей разных языков позволит обнаружить различия в способах познания.

Глава 3. Декомпрессия как способ достижения максимальной коммуникативной эквивалентности текстов

3.1. Перевод как речемыслительная деятельность

Условием оптимальной реализации процесса перевода как одного из видов МКК служит не только общность системности вербальных значений, но и соотнесение личностных картин мира, репрезентируемое в соотнесении концептуальных систем представителей различных лингвокультурных общностей, в частности автора исходного текста и его переводчика.

Само понятие взаимодействия культур, а при переводе текстов как субститутов культур, предполагающих наличие общих элементов и несовпадений (в частности лакун), позволяет нам отличить одно культурно-языковое образование от другого (одну лингвистическую общность от другой). Между тем, по мнению Ю.А. Сорокина, «талантливый художественный перевод закрывает нам пути для сравнения и не опознается в качестве инокультурного. Тем самым утверждение о переводе как взаимодействии двух культур оказывается фиктивным для реципиента» [Сорокин, 1985: 137].

По мнению Т.А. Фесенко, определяющая роль при трансформации исходного смыслового содержания принадлежит концептуальным системам, так как лингвокогнитивной основой понимания и оптимального перевода является **согласованность уровней концептуальных систем представителей тех или иных лингвокультурных миров**, в частности, автора исходного текста и его переводчиков, и соотнесение «личностных картин мира». Таким образом, «концепты и концептуальные структуры являются в контексте перевода *марке-*

рами понимания «этнической специфики мышления» и этнокультурного образа носителя иной концептуальной системы». При этом перевод, включенный в определенную социокультурную, коммуникативную и, наконец, речевую ситуацию, рассматривается как один из видов речемыслительной деятельности, как акт речепорождения со свойственными ему характерными особенностями. Ключом к объяснению специфики человеческого мышления и этнокультурной выраженности трансформируемой мысли может служить исследование процесса речепорождения» [Фесенко, 1999: 42].

Автор утверждает, что процесс движения от мысли к слову имеет надэтнический характер [Фесенко, 1999: 42-43]. Это согласуется с утверждением В.З. Демьянкова об универсальности основных механизмов когниции.

В качестве психического носителя свойств индивидуального интеллекта выступает ментальный (умственный) опыт. Как будет осуществляться переработка поступающей информации, как человек будет решать те или задачи, каковы будут способы осмысления тех или иных событий – все это в конечном итоге зависит от своеобразия, состава, строения и характера эволюции ментального опыта человека, отчасти обусловленного национальным языком. Речемыслительный процесс – это, по сути, «ситуированная когниция», а порождение речи – как «ситуированное» и обусловленное реальной коммуникацией продуцирование вербальных текстов с помощью когнитивных систем [Фесенко, 1999: 43].

Принимая за основу базисную посылку когнитивистов, состоящую в том, что «значение в естественных языках является мысленно кодируемой информационной структурой» [Ченки, 1996: 68], семантическая структура – это форма концептуальной структуры, а интерпретация высказывания, то есть его значение, находится в уме, можно предположить, что место лакуны надо искать среди ментальных структур. «Постулат о примате когнитивного» гласит, что «за значениями слов стоят тесно связанные с ними когнитивные структуры – сущности, которые можно описать на том или ином из специально разработанных

языков представления знаний. Элементами этого языка являются фреймы, сценарии, планы vs. фигура, модель мира, аффективные структуры, сюжетные свертки, оконные структуры текста, рамки внимания и т.д. В более широком плане *когнитивные структуры определяют функционирование любых компонентов языковой системы и аспектов ее функционирования – грамматических категорий, синтаксических преобразований, стилей и регистров речи и т.д.*» [Баранов, Добровольский: 14] (курсив мой – Е.П.).

«Одним из тезисов современной лингвистической семантики является идея о неоднородности плана содержания. Часто выделяют ассертивную часть значения, пресуппозитивный компонент, следствия различных типов, установки, иллюкутивную составляющую и т.п. Эти компоненты обладают, как правило, разной степенью эксплицитности в плане содержания языкового выражения. *Когнитивный подход объясняет эту особенность устройства плана содержания лексической единицы тем, что когнитивные структуры, стоящие за языковыми структурами, принципиально нелинейны и при их языковом воплощении требуют специальной «упаковки». Переход от нелинейной структуры к ее линейному представлению всегда сопровождается тем, что эксплицитно выражается лишь некоторая часть когнитивной структуры, а другие ее части могут присутствовать в имплицитном виде*» [Баранов, Добровольский: 17] (курсив мой – Е.П.). Вероятно, что у представителей разных лингвокультурных общностей при вербализации эксплицитно выражаются разные части когнитивной структуры, что может приводить к лакунизации текста и, как следствие, к непониманию.

3.2. Понятие декомпрессии текста

В.И. Финагентов, исследуя отношения между смысловой и формально-грамматической структурами текста при переводе, пришел к выводу, что

«...правила построения смысловой структуры являются универсальными» [Финагентов, 1982: 8] (необходимо отметить, что под семантикой В.И. Финагентов понимает не традиционные языковые значения, а процесс формирования смыслов). Такой вывод, подтвержденный экспериментально, подтверждает положение о том, что семантическое программирование носит универсальный, надязыковой характер. Универсальный характер семантического программирования – модель, отражающая универсальные моменты процесса знакообразования (ср. с утверждением В.З. Демьянкова об универсальности основных механизмов когниции и с выводом Фесенко о том, что процесс движения от мысли к слову имеет надэтнический характер). Универсальность семантического программирования не отрицает включения в знак специфических идеоэтнических компонентов и не противоречит тому, что за словами разных языков стоят разные когнитивные структуры. «Идиоэтнические особенности языков проявляются только на этапе лексико-грамматического структурирования. Отсюда легко заключить, что возможно выделение инвариантных семантических структур, специфически реализуемых при переводе в конкретных языках на этапе лексико-грамматического структурирования. В.И. Финагентов экспериментально доказал, что при переводе изменяется только формально-грамматическая структура, а содержание смысловой остается константным» [Герман, 2000: 136].

Если выводы В.И. Финагентова верны хотя бы в основном, то утверждение о начале трансформаций текста при переводе на этапе лексико-грамматического и синтаксического структурирования может быть чрезвычайно продуктивным при построении психолингвистической модели перевода, основывающейся на теории функциональных (синергетических) систем и структурировании порождаемого реципиентом текста на основе выявленного доминантного личностного смысла.

Принятие тезиса об универсальности принципов построения смысловых структур позволяет говорить о возможной принципиальной смысловой эквива-

лентности исходного текста и перевода.

При переводе «могут создаваться различные ментальные структуры, способные породить закономерные соответствия между лексико-грамматическими уровнями разных языков, способствующие их корреляции. Примером таких отношений может служить компрессия/декомпрессия текстов при переводе. Именно стремлением системы смыслов к саморегуляции можно объяснить явление декомпрессии исходного текста при порождении встречного речевого произведения, в том числе и при переводе» [Герман, 2000: 136].

Под декомпрессией текста понимается «такое линейное расширение его, которое мотивировано как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами и направлено на эквивалентное представление содержания исходного текста в тексте перевода». Декомпрессия осуществляется рядом переводческих трансформаций исходного текста. Цель декомпрессии - достижение максимальной коммуникативной эквивалентности текстов [Герман, 2000: 137].

Выделяется декомпрессия структурная, преобладающая, как правило, в научном тексте и осуществляющаяся за счет служебных слов, и семантическая, ведущая к расширению лексико-семантической структуры текста за счет введения в текст перевода однозначных номинативных единиц.

При этом отмечается, что декомпрессия редко осуществляется в силу субъективного решения переводчика. Более частой причиной появления декомпрессии в тексте перевода является расхождение систем языков и культур, обслуживаемых этими языками.

«Декомпрессирование текстов реализуется именно на этапе лексико-грамматического его порождения, потому что оно, как правило, не затрагивает существенных и актуальных компонентов смысла текста, а касается лишь более точной его репрезентации в единицах другого языка. Так, структурная декомпрессия осуществляется за счет введения в текст перевода идиотнических элементов (например, служебных слов). Исследователи отмечают, что такой тип

декомпрессии характерен более всего для научного текста» [Герман, 2000: 137].

Более сложное и коммуникативно значимое явление семантической декомпрессии, по мнению исследователей, чаще обнаруживается в художественных текстах. Оно реализуется как расширение лексико-семантической структуры исходного текста за счет введения в текст перевода полнозначных номинативных единиц.

Представляется, что два разных типа декомпрессии связаны с разными уровнями порождения речевой деятельности – операциональным и действенным, хотя разделение их в реальном речевом процессе весьма условно.

Структурная декомпрессия, видимо, в большей степени связана с операциональным уровнем владения родным и иностранным языками, хотя следует сразу заметить, что состав грамматических категорий языка, безусловно, в известной степени отражает и специфику ментальности его носителя.

«Семантическая декомпрессия в большей степени характерна для действенного уровня речевого процесса, в котором на ассоциативно-апперцепционной базе осуществляется функциональное порождение актуального личностного смысла» [Герман, 2000: 137].

Исследователи считают, что декомпрессивные трансформации текста осуществляются в силу расхождения систем языков, языковых норм и узуса. «Но наличие смысловых универсалий и целого ряда закономерных эквивалентных соответствий между компонентами речевых произведений (оригинала и перевода) позволяет допустить, что *переводческий произвол в передаче доминантного личностного смысла средствами другого языка можно исключить*. При этом естественно, что специфика содержаний концептуальных систем автора и переводчика исключает тождественность перевода и исходного текста при смысловой эквивалентности исходного и вторично порожденного текстов» [Герман, 2000: 138].

Отсюда устанавливаются и принципиальные пределы декомпрессии ис-

ходного текста. Эти пределы уже заданы его смысловой структурой: декомпрессировать следует только те компоненты, которые репрезентируют доминантный личностный смысл.

Таким образом, в переводе при элиминировании лакуны, чтобы передать смысл, переводчику необходимо найти адекватную когнитивную структуру. Поэтому декомпрессия текста осуществляется либо за счет введения в текст перевода когнитивной структуры языка-источника, либо за счет создания интегративных когнитивных структур в результате соединения моделей языка-оригинала и языка-перевода.

Учитывая, что в самом общем виде суть лакуны – это пропуск содержания, можно предположить, что элиминирование лакун определяется определенными ментальными структурами. Лакуна задает специфический способ познания. Реципиент при восприятии текста должен эту лакуну элиминировать (то есть восполнить пропуск содержания), опираясь на свой ментальный опыт и на пространство содержания текста в целом. Если же по каким-либо причинам индивид не в состоянии элиминировать лакуну, то возникает непонимание или неправильное понимание.

Тот факт, что лакуны в большинстве случаев возникают при межкультурной коммуникации, позволяет предположить различие в когнитивных структурах у носителей разных языков и культур. Если же текст воспринимается реципиентом – носителем той же культуры, что и автор, то лакуны не возникают (есть пропуск содержания, но он не затрудняет понимание).

Выводы:

1. При переводе текста с одного языка на другой определяющая роль при трансформации исходного содержания принадлежит концептуальным

системам. Согласованность уровней концептуальных систем автора и переводчика – основа правильного понимания и оптимального перевода.

2. Концепты и концептуальные структуры, репрезентированные в тексте, отражают этническую специфику мышления автора текста.

3. Функционирование любых компонентов языковой системы определяется когнитивными структурами. Следовательно, типологические расхождения между языками – это отражение расхождений в когнитивных системах носителей разных языков.

4. Декомпрессия текста – это линейное расширение текста, направленное на устранение лакун, то есть на наиболее адекватную передачу в тексте перевода когнитивных моделей, репрезентированных в оригинальном тексте.

Глава 4. Экспериментальное исследование способов реализации механизма компрессии/декомпрессии текста

4.1 Цель и задачи эксперимента

Выдвинутое нами предположение о том, что лакунизацию текста можно объяснить отсутствием в концептуальной системе индивида необходимых когнитивных схем, нуждается в экспериментальной проверке. Цель эксперимента – выявить различия в когнитивных структурах носителей русского и английского языков. Исходя из поставленной цели, мы предусматривали решение следующих задач:

1. перевод фрагментов англоязычного текста, содержащих, по нашему мнению, присущие только английскому языку когнитивные модели;
2. сопоставление оригинала и переводов на предмет наличия компрессии/декомпрессии смысла;
3. классификация выявленных различий;
4. разработка стратегий декомпрессии текста.

4.2 Методика, материал исследования

В соответствии с целью эксперимента испытуемым были предложены следующие задания:

- 1. Переведите предложенный фрагмент текста.*
- 2. Отметьте те слова или синтаксические конструкции, которые, на Ваш взгляд, фиксируют авторский смысл наиболее очевидно.*

3. *Отметьте слова или выражения, которые вызвали непонимание и требуют, на ваш взгляд, объяснения (разворачивания) в контексте.*

4. *Отметьте те слова и выражения, которые представляют смысл «свернуто».*

Первое задание было направлено на то, чтобы испытуемые смогли наглядно для себя выявить в оригинальном тексте трудные для перевода места, а также на установление того, какие стратегии перевода они будут использовать.

Второе задание призвано было установить слова и синтаксические конструкции, фиксирующие доминантный авторский смысл. В соответствии с нашими предположениями, декомпрессии следует подвергать только те слова и конструкции, которые репрезентируют доминантный авторский смысл.

Третье и четвертое задания должны были установить в тексте компрессированные формы (то есть когнитивные структуры, отсутствующие у носителей русского языка или не совпадающие с соответствующими структурами носителей русского языка), затрудняющие понимание и перевод.

Следует подчеркнуть, что в эксперименте речь идет о **смысловой** декомпрессии, а не **грамматической**. *Сопоставляются когнитивные модели, имеющиеся у носителей русского и английского языков.*

Так, предварительное исследование собранного нами материала показало, что компрессированные формы в английских текстах можно разбить на несколько групп (когнитивных моделей). В ходе эксперимента количество групп было уточнено, а также были выработаны стратегии декомпрессирования текста для каждой из групп (когнитивных моделей).

Кроме того, необходимо отметить, что при описании результатов эксперимента мы пытались разграничить случаи декомпрессии (когда разворачивание требуется в силу несходных языковых черт) и незнание переводящих (они не знают языка в нужной степени). Неправильные варианты перевода, обусловлен-

ные отсутствием в концептуальной системе индивида необходимых когнитивных моделей, мы пытались объяснить.

В целом задания, предложенные испытуемым, должны были, по нашему мнению, **выявить различия в когнитивных моделях у носителей русского и английского языков и выделить стратегии декомпрессии** (адекватного перевода) этих моделей на русский язык.

Исходя из поставленных цели и задач, для эксперимента были отобраны фрагменты текста англоязычных авторов, в которых, на наш взгляд, содержались лакуны. Выявление лакун осуществлялось авторами как носителями русского языка на основе их языковых репрезентантов лакун, которые в некоторых исследованиях называются языковыми лакунами. Мы подчеркиваем в связи с лакунами не специфику языкового строя, а способы представления ментального содержания в языке. Для эксперимента отбирались лишь те фрагменты текстов, которые, на наш взгляд, фиксировали несовпадение содержания способов фиксации определенного ментального содержания в языковых единицах. Необходимо отметить, что для эксперимента отбирались только оригинальные, неадаптированные тексты. Большое количество авторов объясняется стремлением к чистоте эксперимента: мы исследуем реальные когнитивные модели носителей английского языка, а не идиостиль какого-то одного автора.

4.3 Характеристика испытуемых

В эксперименте участвовали студенты, аспиранты и преподаватели вузов Барнаула (АГУ, АГТУ, БГПУ, ААЭП). Выбор респондентов был произвольным. Необходимо отметить, что для эксперимента не были необходимы реципиенты, в совершенстве знающие английский язык, так задания не содержали каких-то особо сложных для перевода примеров с точки зрения грамматики английского языка. Еще раз подчеркнем, что для нас было важно выяснить, **какие когни-**

тивные модели, представленные в англоязычном тексте, вызывают затруднения при переводе у носителей русского языка. Именно поэтому мы не брали профессиональные переводы, так как, во-первых, трудно найти текст, переведенный с английского языка 25 профессиональными переводчиками, так как на одном переводе расхождений когнитивного порядка заметить нельзя (в эксперименте каждый фрагмент предлагался 25 реципиентам). Во-вторых, у профессионального переводчика, в совершенстве владеющего английским языком, не будет проблем при переводе английских когнитивных моделей, представленных в английском тексте, так как их уже усвоил (по нашему мнению, совершенное знание иностранного языка предполагает не только отличное знание грамматики и лексики, но и знание когнитивных моделей носителей этого языка).

Именно поэтому основная масса реципиентов – это студенты, которые достаточно знают грамматику и лексику английского языка, чтобы перевести предложенные фрагменты, но, с другой стороны, они еще не присвоили все когнитивные модели носителей английского языка. Именно поэтому все проблемы, возникшие при переводе, можно отнести на счет чуждости когнитивных моделей, репрезентированных в англоязычном тексте. Также необходимо отметить, что ни один из предложенных фрагментов текста не требовал каких-либо особых фоновых знаний, которые могли бы отсутствовать у реципиентов и быть причиной неправильного перевода.

Таким образом, все проблемы, возникшие при переводе, мы относим на счет расхождений когнитивного порядка. *Мы выявляем устойчивые соответствия между ментальными структурами и способами их репрезентации в языке.*

Необходимо отметить, что в исследовании намеренно даны шероховатые буквальные переводы. Буквальность обусловлена задачами исследования: буквальность отражает разницу в отражении действительности носителями разных

языков. Обработанный литературный перевод устраняет некоторую когнитивную специфику.

У нас также нет задачи выстроить типологию материала исследования. Нам важно показать, что смысловая компрессия как способ сгущения смысла – это универсальный закон. Поэтому материал, отобранный для эксперимента, так разнороден. Смысловая компрессия возникает при переводе из-за расхождений на когнитивном уровне у носителей языков и репрезентированных на языковом уровне в текстах.

Всего было собрано и обработано около 400 анкет (в каждой анкете от 3 до 8 фрагментов текста в зависимости от размера фрагментов).

4.4 Описание результатов эксперимента

4.4.1 Компрессированные когнитивные структуры и формы их декомпрессии при переводе

Прежде чем приступить непосредственно к анализу примеров, необходимо описать алгоритм, по которому эти примеры анализируются. Как уже говорилось, из англоязычных текстов нами были отобраны примеры, представляющие, на наш взгляд, трудности для их перевода на русский язык. Именно эти примеры и представлялись реципиентам для перевода.

Затем в ходе компонентного анализа нами сравнивались компоненты значения, во-первых, отличающиеся от данных в словаре, и, во-вторых, семы, реализованные в оригинальном тексте, и семы, реализованные в вариантах перевода, предложенных реципиентами. На основании этого сравнения делался вывод о принципиальной переводимости/непереводимости когнитивной моде-

ли, представленной в англоязычном тексте, а также предлагалась наиболее адекватная стратегия перевода этой когнитивной модели на русский язык.

4.4.1.1. Метафора как компрессивная когнитивная структура

Granny felt her face tying up in hard knots

(KATHERINE ANNE PORTER The Jilting of Granny Weatherall)

Перевод:

Бабушка почувствовала, как лицо у нее стягивает в тугие узлы.

Однако 80% реципиентов перевели предложение так:

*Бабушка почувствовала, что ее лицо напоминает **крепко завязанные** узлы.*

Hard 1. твердый, жесткий;

2. крепкий, сильный;

3. трудный, тяжелый [Англо-русский словарь: 327].

Таким образом, 80% реципиентов перевели **hard knots** как **крепко завязанные** узлы, хотя значение слова **hard** не содержит семы *завязывать*. Сема *завязывать* имплицитно присутствует в значении слова *knot* (узел). Однако в русском варианте большинство реципиентов эксплицирует эту сему.

Дело в том, что исходный текст метафоричен. Переводящий должен уловить эту **метафоричность**, то есть **построить аналогичную познавательную структуру**, более компрессивную, если сопоставлять со сравнением. О. А. Староселец [Староселец, 1997: 158-186] доказала в своем диссертационном исследовании, что порождение метафор при понимании текста – только одна из четырех распространенных стратегий восприятия метафорического текста, причем не самая частотная. Очевидно, что большинство испытуемых в данном случае не владеет такой стратегией, хотя содержание образа «улавливает». Ис-

пытуемые строят предложение с речевой ошибкой: *почувствовала, что лицо напоминает* (нарушение валентных связей слов) именно потому, что *декомпрессия образа в данном случае содержательно недопустима*.

“It is the first day of summer holidays,” said Susan. “But the day is still rolled up. I will not examine it until I step out on the platform in the evening.”

(VIRGINIA WOOLF “The waves”)

Перевод:

Это первый день летних каникул, - сказала Сюзан. – Но день все еще «завернут» (то есть забит делами). Я не почувствую это (то, что каникулы начались), пока не окажусь вечером на вокзале (чтобы уехать из города).

Интерес в этом отрывке вызывает метафора *the day is still rolled up* (день свернут/завернут).

Метафора *день завернут* актуализирует смысл *забит делами*. Однако словари такого ЛСВ не дают. Важно подчеркнуть, что это именно метафора. Чтобы правильно понять эту метафору, переводчику придется «додумать» этот ЛСВ. Ключом для понимания здесь является сема *забитости, полноты, отсутствия промежутков* (день завернут / свернут – в смысле очень плотный, нет свободной минутки, много дел).

Очевидно, что дословный перевод этой метафоры будет непонятен русскоязычному читателю. Именно потому все 100% информантов указали, что *rolled up* представляет смысл свернуто и затрудняет понимание.

60% - перевели как *день все еще продолжается* (возможность такого перевода дает основное значение глагола *roll* – катить(ся), вертеть(ся), вращать(ся). Однако в исходном тексте употреблена форма прошедшего времени Past Simple, поэтому предлагаемый реципиентами перевод некорректен как с грамматической точки зрения, так и с семантической (*день все еще продолжа-*

ется – основное значение не закрытость и непредсказуемость дальнейших событий, а процессуальность).

12% - *день еще в разгаре* – также теряется смысл. *День в разгаре* – это устойчивое сочетание чаще употребляется, когда говорят о фазах какого-либо процесса (например, *работа в разгаре*). *День в разгаре* – значит, до вечера еще много времени, но это не значит, что еще много дел.

28% - *день только начинается* – также нельзя считать адекватным переводом. Ни в одном из представленных реципиентами вариантов перевода не представлен смысл английского варианта – *еще много дел впереди, нет свободной минутки*. Это говорит о том, что для носителя русского языка метафора *the day is still rolled up* действительно представляет смысл свернуто. Очевидно, носители английского языка и профессиональные переводчики легко поймут ее, так как они владеют необходимыми для ее понимания когнитивными моделями. Для носителей русского языка эта метафора непонятна в силу того, что смысл представлен слишком имплицитно (для носителей русского языка). Им трудно соотнести когнитивную структуру, стоящую за глаголом *roll up* (свернут, завернут) и когнитивную структуру, стоящую за русским глаголом *забит* (делами). Очевидно, что при переводе на русский язык этой метафоры дословный перевод будет непонятен (*день свернут / завернут*). Чтобы сохранить сему плотности, отсутствия пространства, придется перевести как *день забит*, но при этом эксплицитировать еще один компонент *забит делами*, то есть прибегнуть к декомпрессии.

Специфика этой группы в том, что в нее объединены примеры, которые не содержат каких-либо фоновых знаний, которые могут отсутствовать у носителей русского языка и, следовательно, быть причиной неправильного перевода. Однако при их вербализации на русском языке требуется перестройка предложений, причем не только грамматическая (то есть не только обусловленная пра-

вилами русского языка), но частично и смысловая. Например, английские метафоры, понятные носителям английского языка и профессиональным переводчикам, вызывают проблемы при их понимании людьми, знающими английский язык, но не усвоившими когнитивные модели носителей английского языка, репрезентированные данным метафорическим текстом.

There was always so much to be done. Thank God there was always a little margin over for peace: then a person could spread out the plan of life and tuck in the edges orderly.

(KATHERINE ANNE PORTER The jilting of Granny Weatherall)

Перевод:

Всегда так много должно быть сделано. Слава Богу, всегда найдется какое-то время для тишины и покоя: тогда человек мог бы расправить свой план жизни и аккуратно подоткнуть его края.

Интерес в этом примере вызывает прежде всего **метафора** *a little margin over for peace: then a person could spread out the plan of life and tuck in the edges orderly*.

Первая часть предложения не вызывает затруднений: все 100% реципиентов перевели ее правильно: слава Богу, всегда есть небольшой островок/уголок/пристанище для покоя/тишины/спокойствия. Однако вторая часть метафоры *then a person could spread out the plan of life and tuck in the edges orderly* вызвала затруднения.

Во-первых, некоторые реципиенты (28%) перевели *spread out the plan of life* как *реализовать планы на жизнь*. В принципе, словарная статья глагола *spread* дает возможность такого перевода.

Такой перевод оказывается возможным из-за присутствующей в семной структуре *spread* семы *движение, продвижение* (говоря о планах на жизнь,

можно сказать, что их реализация – это тоже движение). С другой стороны, возможность такого перевода исключается второй частью метафоры - *tuck in the edges orderly*, которая сразу наталкивает на мысль, что в данном примере – метафора (аналогия с одеялом/простыней – расправить, подоткнуть края). Однако эта группа реципиентов перевели эту часть как подобрать под себя грани жизни (лексема *edge* имеет ЛСВ *грань*). Однако при таком переводе исходное значение английского варианта текста теряется: *развернуть план жизни и аккуратно подоткнуть его края* – подумать над дальнейшими планами, скорректировать их; *реализовать планы на жизнь и подобрать под себя грани жизни* – это, скорее, *добиться желаемого результата*.

Таким образом, попытка данной группы реципиентов перевести метафору буквально закончилась неудачей. Актуальный смысл *привести в порядок* фиксирован метафорой, но, как уже говорилось, метафорические стратегии редко используются в процессе восприятия говорящими. Выбор у лексемы *edge* ЛСВ *грань* вместо *край* делает невозможным перевод глагола *tuck in* как *подоткнуть*, следовательно, теряется аналогия с одеялом, следовательно, *spread out* уже можно перевести не только как *развернуть*, но и как *реализовать* (планы на жизнь)).

Если же реципиенту знакомо это слово, он уже может отвлечься от конкретных ЛСВ словаря и «додумать» именно тот смысл, который реализован в контексте, даже если словарная статья такого ЛСВ не дает. Вероятно, это становится возможным потому, что реципиент уже присвоил всю когнитивную структуру, стоящую за словом.

48% реципиентов перевели неправильно вторую часть: *когда человек может развернуть план на жизнь и жадно есть у кромки леса спокойно*.

Остальные 24% перевели так: *...уголок спокойствия, где человек мог не думать о реализации жизненных планов и спокойно проглотить неприятности*.

“There Rhoda sits staring at the blackboard”, said Louis, “in the school-room, while we ramble off, picking here a bit of thyme, pinching here a leaf of southernwood while Bernard tells a story. Her shoulder-blades meet across her back like the wings of a small butterfly. And as she stares at the chalk figures, her mind lodges in those white circles; it steps through those white loops into emptiness, alone”.

(VIRGINIA WOOLF “The waves”)

Перевод:

Вот Рода, сидит в классе, уставившись на доску, - сказал Люис, - пока мы бесцельно бродим, подбирая листья чабреца, пощипывая листья полыни, в то время как Бернард рассказывает историю. Ее лопатки сведены на спине как крылья маленькой бабочки. И когда она смотрит на меловые фигурки, ее разум застревает в этих белых кругах; он шагает сквозь эти белые петли в пустоту, одинокий.

В этом отрывке интерес представляет прежде всего последнее предложение. Во-первых, это выражение *chalk figures* (буквально – меловые фигурки). Но в русском языке меловые фигурки – эти фигурки, сделанные из мела или напоминающие мел. Чтобы правильно передать на русский язык смысл выражения *chalk figures*, придется прибегнуть к декомпрессии и ввести новые лексемы: *фигурки, нарисованные мелом (на доске)*. Можно говорить, что в английском выражении *chalk figures* представлен компрессированный смысл по сравнению с русским. Однако контекст (класс, Рода сидит, уставившись на доску) дает возможность понять, что речь идет о фигурках, нарисованных на доске мелом, а не о фигурках, сделанных из мела.

Также обращает на себя внимание выражение, которое вызвало расхождения при переводе.

...her mind lodges in those white circles...

Очевидно, наиболее адекватный перевод – *сознание застревает в этих кругах*. Здесь автор подчеркивает именно непреднамеренность (застревает – неосознанно, не специально). Для автора важно представить неинтенсивность, замедленность, и этот интегративный признак представлен в ряде лексем отрывка: *stare* – смотреть пристально, глазеть, *white circles* – белые круги, *white loops* – белые петли (замкнутость, хождение по кругу = топтание на месте).

Таким образом, интегративный компонент – неинтенсивность – обнаруживается реципиентами, однако в большинстве переводов он исчезает.

В этом отрывке можно обнаружить противопоставление: Рода и все остальные. Все бродят без дела, пощипывают травку, дурачатся (причем во многих переводах реципиенты опускали *выражения picking here a bit of thyme, pinching here a leaf of southernwood*, заменяя их более общим – *занимались ерундой*, то есть прибегая к компрессии смысла. Всем этим занимающимся ерундой противопоставлена Рода, сознание которой застряло в белых кругах, нарисованных мелом на доске. Именно поэтому ее разум шагает в пустоту *одинокий*. Для автора – и это акцентировано актуализацией смыслового компонента неинтенсивности в ряде лексем – важно показать одиночество, отрешенность Роды.

Реципиенты:

52% реципиентов указали, что наиболее очевидно авторский смысл фиксирует первое предложение. 52% также считают, что вызывает непонимание и требует объяснения последнее предложение.

Наиболее частотный перевод *her mind lodges in those white circles* – *мысли были заняты, ум остановился, мысли блуждают в этих кольцах, мысли сосредоточены в этих кругах, сознание сконцентрировалось*.

В предлагаемых вариантах перевода эта сема неинтенсивности, одиночества утрачивается. Авторское направление порождения смысла разрушается при

замене метафорической конструкции конвенциональными, клишированными, как это сделали большинство реципиентов.

Хотя предлагаемые реципиентами варианты переводов, казалось бы, передают смысл исходного текста, в них утрачиваются некоторые семы, а следовательно, и авторская образность, что в конечном итоге снижает адекватность перевода.

He went into debt for a threshing outfit and ran it for several years, but it did not pay.

(SHERWOOD ANDERSON «Death in the woods»)

Перевод:

Он купил в кредит молотилку, влез в долги и промышлял молотью несколько лет подряд, но затраты не окупились.

he went into debt for a threshing outfit

Буквальный перевод – *он влез в долги для молотилки*. Ясно, что смысл в данном случае – для покупки молотилки. Однако в оригинале нет слова покупка. Очевидно, что в оригинале используется компрессированная по сравнению с русским языком структура: эксплицитно выражены не все ее части. В русском языке эти невыраженные части приходится вербализовывать на основе контекста. Необходимо отметить, зачастую что восстановление пропущенных частей не представляет проблем: они легко восстанавливаются на основе контекста. Возможно, в таких случаях можно утверждать, что английский язык более экономно использует языковые средства при продуцировании смыслов. Однако иногда контекст не помогает однозначно понять выражение. В процессе продуцирования смыслов не все смыслы актуализируются – то есть происходит смысловая компрессия. Носители английского языка благодаря своим когнитивным моделям актуализируют меньшее количество смыслов. Но когнитивные модели,

которые имеются в концептуальных системах носителей английского языка и отсутствуют у носителей русского языка, являются как бы схемами, которые помогают восполнить те недостающие неактуализированные смыслы, благодаря чему происходит понимание и лакуны не возникает. У носителей русского языка таких схем нет, им сложно восполнить неактуализированные смыслы, поэтому возникают лакуны и непонимание. Декомпрессия при переводе – это как раз и есть вербализация этих имплицитных смыслов.

Реципиенты:

he went into debt for a threshing outfit – 68% перевели как *влез в долги, чтобы купить (приобрести) молотильное оборудование* – декомпрессия – в исходном варианте нет слова *купить*. 32% перевели как *влез в долги из-за молотилки* - дословный перевод – ощущается его нехарактерность – чувствуется, что пропущены слова. Такие конструкции характерны для разговорной речи.

it did not pay

Реципиенты предложили 2 варианта перевода: 1. не приносило прибыли (64%); 2. не смог расплатиться с долгами (36%). В обоих случаях – декомпрессия: реализовано большее количество сем, чем в английском варианте.

When it was winter she had to gather sticks of wood for fire, had to try to keep the stock fed with very little grain.

(SHERWOOD ANDERSON «Death in the woods»)

Перевод:

Зимой ей приходилось собирать хворост для костра, ухитриться пригоршней зерна накормить скот.

Само предложение не вызывает проблем при переводе. Интерес вызывают 2 выражения: *she had to gather sticks of wood for fire.*

to gather sticks of wood for fire – 56% реципиентов прибегли к декомпрессии: *собирала дрова, чтобы разжечь костер* – вводится лексема, которой нет в оригинале – декомпрессия.

20% - *собирала дрова, чтобы поддерживать тепло в доме (топить печь)* – декомпрессия. Вероятно, в этом случае играет роль слово *winter* – зима, которая для носителей русского языка ассоциируется прежде всего с холодами. Поэтому реципиенты и вводят дополнительные лексемы: *поддерживать тепло в доме, топить печь*. Слово *костер* в настоящее время скорее относится к фрейму *отдых на природе*, чем связан с поддержанием тепла. Таким образом, иногда перевод может определяться прежде всего ассоциативными связями переводимых лексем.

24% - нет декомпрессии – *собирала дрова для костра*.

When I saw her at the door I would have sworn she was a book agent or maybe a cook looking for work.

(RING LARDNER «Who dealt?»)

Перевод:

Когда я увидел ее у двери, я мог бы поклясться, что она была агентом по продаже книг или кухаркой, ищущей работу.

Очевидно, что *book agent* – *агент по продаже книг*. Однако в английском языке при наименованиях часть смысла компрессируется: слова *продажа* в английском наименовании *book agent* нет. Очевидно, в английском языке есть когнитивная модель, позволяющая не выражать способ действия при наименовании деятеля. Эта тенденция выражается и при номинации. Если русский язык выражает и способ действия / само действие (*агент по продаже книг*), то в англ-

лийской номинации способ действия / само действие не выражено эксплицитно (*book agent*), в результате чего получается компрессированная по сравнению с русским языком структура. И это вполне осознают реципиенты.

84% реципиентов указали, что *book agent* представляет смысл свернуто. При этом 60% реципиентов перевели *book agent* как *билетер*. Вероятно, такой перевод, с одной стороны, подсказан одним из значений слова глагола *book*; с другой – низким уровнем языковой компетенции переводящих.

Book – 1. заносить в книгу, (за)регистрировать;

2. заказывать, брать билет [Англо-русский словарь: 86].

40% реципиентов просто калькировали английскую номинацию – *книжный агент*. Однако подобная номинация в русском языке имеет другое значение, чем агент по продаже книг. Прилагательное *книжный* имеет в русском языке значение *относящийся к книгам* (например, книжный герой), а не *продающий книги*. Вторая часть номинации – *агент* – делает возможным правильное понимание номинации *книжный агент*, так как относит его к деловой сфере, сфере торговли, однако его нельзя назвать адекватным, так как он не гарантирует того, что все поймут его правильно (Так, в этом примере 60% информантов перевели *book agent* как *билетер*). Это связано с тем, что *до недавнего времени носители русского языка не располагали когнитивной моделью, соответствующей языковому выражению book agent*. И вид деятельности, и название заимствованы из английского языка. Чужеродностью модели и определяются такая ошибка в переводе. Этот пример показывает, **что «компрессионной» для переводчика может быть сама когнитивная модель, представленная в определенном языке. Ее декомпрессия связана с обязательным «разворачиванием» когнитивной модели (структуры) и актуализацией ее дополнительных компонентов.**

Очевидно, что в английском языке когнитивная модель, репрезентированная сочетанием *сущ.+сущ.* иногда при номинации позволяет экономить усилия, и поэтому можно предположить, что русский язык такую модель разовьет, поскольку потребности в ней определяются экстралингвистическими факторами.

Таким образом, при переводе метафоры переводчик должен прежде всего уловить метафоричность иноязычного текста, то есть построить аналогичную познавательную структуру. При этом дословный перевод иноязычной метафоры часто кажется необычным и трудновоспринимаемым, что говорит об отсутствии в русском языке когнитивных моделей, аналогичных имеющимся в английском языке.

В английском языке существуют когнитивная модель, позволяющая не выражать способ действия при наименовании деятеля. Отсутствие аналогичной когнитивной модели в русском языке затрудняет ее перевод с английского языка. При переводе этой модели, являющейся компрессивной для носителей русского языка, необходима декомпрессия, то есть разворачивание когнитивной модели (структуры) и актуализация ее дополнительных компонентов.

4.4.1.2. Фразовые глаголы как репрезентанты особой когнитивной модели

Фразовые глаголы – явление, аналогов которому в русском языке нет. Фразовый глагол – это сочетание многозначного глагола и послелога. Необходимо отметить, что в разговорной речи носители английского языка стремятся употреблять именно фразовые глаголы, а не их однословные синонимы.

Фразовые глаголы репрезентируют компрессированный смысл: очень широкая когнитивная структура, стоящая за основным глаголом в составе фра-

зового, конкретизируется послелогом, стоящим после глагола. Это дает возможность установить значение фразового глагола в контексте. По нашему мнению, фразовые глаголы репрезентируют особую когнитивную модель, особую познавательную структуру, помогающую экономить языковые средства: фразовые глаголы реализуют в контексте значительно меньшее число сем, чем их однословные синонимы.

The farmer was up to something with the girl – she was, I think, a bound girl and his wife had her suspicions. She took it out on the girl when the man wasn't around.

(SHERWOOD ANDERSON «Death in the woods»)

Перевод:

Фермер приставал к ней. Она, кажется, была сиротой, отданной на воспитание, и жена фермера кое о чем догадывалась. Она вымещала свои подозрения на девушке, когда мужа не было дома.

В этом отрывке содержится два фразовых глагола (*be up to smth.* – замышлять что-л. и *take out on* – вымещать), у которых нет эквивалентов в русском языке (на русский язык мы переводим, скорее, не сами фразовые глаголы, а их однословные английские синонимы). Очевидно, что фразовые глаголы в английском языке представляют компрессированный смысл. Хотя все они имеют однословные синонимы в английском языке, в речи люди предпочитают использовать именно фразовые глаголы, которые, как правило, состоят из многозначного глагола и послелога. Возможно, что когнитивная модель, представленная фразовыми глаголами, активизирует языковой механизм, компрессирующий глаголы до фразовых глаголов, состоящих из глагола с широким значением и послелога, который как бы «сужает» и «направляет» дейст-

вие основного глагола, что в конечном итоге приводит к более или менее четкому значению фразового глагола. Иными словами, постпозитивное наречие как часть фразового глагола дает указание на способ восприятия, на алгоритм интерпретации значения основного глагола. Очевидно, здесь срабатывает тенденция к экономии языковых средств: по сравнению со своим однословным эквивалентом фразовый глагол репрезентирует значительно меньшее количество сем (если провести семный анализ составляющих фразового глагола, то получится очень широкое и размытое значение). При этом размытость его значения восполняется из контекста.

Интерес вызывает выражение *bound girl*. Профессиональный переводчик перевел это выражение как *сирота, отданная на воспитание*. Очевидно, здесь тоже наблюдается процесс компрессии смысла. В слове *bound* реализована лишь сема *обязанный, вынужденный*, в то время как в выражении *сирота, отданная на воспитание*, их намного больше.

Ясно, что из значений слов *bound* и *girl* нельзя вывести значение выражения *bound girl* в таком виде, как его предлагает переводчик. Очевидно, что *bound girl* – устойчивое словосочетание с компрессированным смыслом: из множества сем, реализованных в выражении *сирота, отданная на воспитание*, в словосочетании *bound girl* реализована лишь сема *обязанности* (тому, кто ее воспитывает). Все остальные семы здесь не выражены, в результате чего и получается компрессия и трудности при переводе.

Реципиенты:

88% реципиентов отметили, что наиболее очевидно авторский смысл фиксирует конструкция *the farmer was up to something with the girl*. 80% отметили, что представляют смысл свернуто и требуют разворачивания в контексте конструкции *was up to something with the girl, a bound girl, took it out on the girl*. Все реципиенты перевели смысл *the farmer was up to something with the girl* пра-

вильно (фермер что-то замышлял с девушкой), но при этом многие реципиенты (58%) попытались сузить значение (то есть декомпрессировать текст, вводя дополнительные семы), предлагая такие варианты перевода: *фермер не прочь был завести интрижку* (24%); *фермер приставал к девушке* (16%), хотя фразовый глагол таких значений не имеет (словарь таких значений не дает).

Также вызвал затруднения перевод выражения *bound girl*. Реципиенты предлагали различные варианты: *недалекая девушка* (16%); *обручена, несвободна* (40%); *уверенная девица* (12%); *привязчивый человек* (16%); *решительная девушка* (16%). Ни один из реципиентов не перевел это словосочетание правильно. Очевидно, проблемы при переводе объясняются именно сильной компрессией смысла в этом словосочетании и отсутствием в контексте указаний на возможные способы декомпрессии. Именно поэтому реципиенты и переводили это словосочетание настолько по-разному, опираясь при этом лишь на значение слова *bound* и на свою концептуальную систему. (ср. *недалекая девушка* и *привязчивый человек*).

When he once make up his mind to a thing, there is nothing in the world can shake him. He's got the strongest will power of any person I ever saw.
(RING LARDNER «Who dealt?»)

Перевод:

Если уж он что-нибудь решил, то ни за что на свете не переменит решения. У него такой сильный характер, просто как ни у кого другого.

60% реципиентов считают, что выражение *take up his mind* представляет смысл свернуто и нуждается в разворачивании в контексте; 40% считают, что оно наиболее очевидно фиксирует авторский смысл.

Все 100% реципиентов – декомпрессия – *решил, принял решение, пришло в голову, решился на что-то.*

nothing in the world can shake him

Shake – 1. трястись, встряхивать, сотрясать(ся), качать(ся);

2. дрожать;

3. потрясать, волновать;

4. поколебать, ослабить [Англо-русский словарь: 641].

84% реципиентов – декомпрессия – *переменить/изменить решение, останавить его.*

16% - заимствуют когнитивную структуру из англ. яз. – *поколебать его.*

Отсутствие в русском языке когнитивной модели, аналогичной представленной фразовыми глаголами, приводит носителей русского языка к двум трудностям при переводе: а) установление именно того значения, которое реализовано фразовым глаголом в данном контексте; б) невозможность адекватного перевода фразового глагола (на русский язык его можно перевести только полнозначным эквивалентом).

4.4.2. Восприятие и интерпретация иноязычных когнитивных моделей

4.4.2.1. Когнитивная модель «процессуальность + атрибутивность», репрезентированная сочетанием *глагол + прилагательное*

Когнитивная модель, представленная в английском языке сочетанием *глагол + прилагательное (причастие)*, характеризуется тем, что в данном случае

глагол и прилагательное выражают как бы единый общий смысл, происходит «диффузия» значений. Адекватной когнитивной модели в русском языке нет. На наш взгляд, наиболее адекватная стратегия этой модели на русский язык – глаголом, который соединял бы в себе семы и английского прилагательного, и английского глагола. Естественно, подобный перевод не может считаться вполне адекватным, так как это не перевод английской когнитивной модели, ее замена наиболее близкой и наиболее точно выражающей ее значение русской моделью.

“But I shall not let myself be attached to one person only. I do not want to be fixed, to be pinioned. I tremble, I quiver, like the leaf in the hedge, as I sit dangling my feet, on the edge of the bed, with a new day to break open. I have not yet broken into my hoard. This is the beginning.”

(VIRGINIA WOOLF “The Waves”)

Перевод:

Но я не должен позволять себе быть присоединенным лишь к одному человеку. Я не хочу быть закрепленным, связанным. Я дрожу, я трепещу как лист в живой изгороди, сидя на краю кровати и болтая ногами, когда вскрывается новый день. Я еще не трогал своих внутренних запасов. Это только начало.

В этом отрывке есть 2 доминантных смысла, противопоставленных друг другу: фиксированность, закрепленность, неподвижность (attached, fixed, pinioned) и движение, свобода (tremble, quiver, dangling). Лирический герой хочет оставаться подвижным, свободным. Это противопоставление легко передается на русский язык путем перевода соответствующих лексем.

Однако некоторые моменты требуют более подробного анализа.

with a new day to break open

break open – взламывать [Англо-русский словарь: 92].

Однако перевод выражения *break open* как *взламывать* не совсем адекватен, если говорить о новом дне. Во-первых, русское слово *взламывать* предполагает деятеля. В данном случае его нет. Во-вторых, конструкция *to break open* инфинитив, в данном случае время ближайшего будущего.

break open – можно выделить следующие реализованные семы:

1. ломание, нарушение целостности (*break*);

2. раскрытие, открывание (*open*). То есть новый день сейчас буквально откроется через какой-то перелом. В русском языке подобной когнитивной модели *глагол + прилагательное (причастие)*, где глагол обозначает способ достижения того состояния, которое выражено прилагательным, нет. (*Плюс* в данном случае означает *не простое суммирование, а объединение, слияние*. Это не просто два слова в предложении, следующие друг за другом. Они выражают единый смысл, и именно в этом трудность перевода. Перевести каждое слово в отдельности не представляет труда. *Проблема - в переводе того диффузного смысла, который они создают вместе. В русском языке когнитивной модели, которая бы позволяла «сливаться» значениям прилагательного и глагола и образовывать единый смысл, нет.* В данном случае в английском языке приблизительно смысл можно передать так: сломаться и через это действие стать открытым. *В русском языке подобная диффузия невозможна: либо сломаться, либо открыться.* Поэтому на русский язык этот смысл можно наиболее адекватно передать глаголом *взламывать*. Однако *новый день взламывается* – не совсем удачное выражение, так как предполагается, что он взламывается кем-то, а не сам по себе. Правильнее будет сказать *новый день вскрывается*. В слове *вскрывается* есть сема открытия, но нет деструктивности, нет семы *ломать*, а лишь изменение состояния. Также есть вариант *вламывается*. Но *вламывается* предполагает ломание чего-либо постороннего (*вламываться через дверь*), тогда как *вскрывается* предполагает изменение состояния именно того объекта, к которому относится. Тем не менее это, на наш взгляд, наиболее адекватный перевод.

Отсутствие в русском языке когнитивной модели, репрезентированной сочетанием *глагол + прилагательное (причастие)*, не позволяет сделать перевод более адекватным, часть сем все же теряется.

Вызывает проблемы и перевод предложения *I have not yet broken into my hoard*.

Если использовать для перевода слова *hoard* ЛСВ *запас* – непонятно, о чем идет речь. Контекст не дает ключа к пониманию этого предложения в таком случае.

С другой стороны, противопоставленность доминантных смыслов *подвижность/неподвижность*, возможно, делает возможным перевод *hoard* как *щит для расклейки афиш* (ассоциация с листком бумаги, трепещущим на ветру). Однако такому переводу противоречит значение фразового глагола *broken into*, имеющего значения а) вламываться, б) разразиться (смехом), в) прервать (разговор), то есть *broken into* и *hoard* как *щит для расклейки афиш* сложно увязать в одном контексте.

Очевидно, *hoard* использовано в переносном значении, например, как внутренние ресурсы, потенциальные возможности героя. Тогда более адекватным представляется перевод *hoard* как *внутренние запасы*.

Реципиенты.

На наш взгляд, не совсем правильно переведено выражение *attached to one person only*.

Лексема *attach* предполагает жесткую связь, присоединение. Говоря о людях, *attach* логичнее перевести переносным значением *чувствовать привязанность к кому-либо*. Однако все 100% реципиентов перевели *attach* как *связанный/привязанный*. Привязаться к кому-л. или быть связанным с кем-л. – устойчивые конвенциональные выражения, предполагающие не столь жесткую связь, как *attach*.

Выражение *with a new day to break open* 60% реципиентов перевели как *с началом нового дня*, 32% - *на рассвете*, 8% - *открывается*. То есть можно сказать, что все передали смысл верно, но при этом исчезла авторская образность.

Таким образом, у реципиентов можно отметить тенденцию использовать при переводе конвенциональные устойчивые выражения, хотя это и приводит к утрате некоторых актуальных сем и потере образности.

Her bones felt loose, and floated around her skin.

(KATHERINE ANNE PORTER *The jilting of Granny Weatherall*)

В данном примере глагол *feel* выступает в качестве глагола-связки и имеет значения а) быть в каком-либо состоянии, чувствовать себя; б) вызывать ощущение, производить впечатление. Однако использование словарных значений при переводе этого предложения на русский язык, очевидно, будет не лучшим способом перевода (перевод *ее кости чувствовали свободу* близок, однако его нельзя назвать адекватным, так как *свобода* – существительное, а *loose* – прилагательное, то есть происходит трансформация когнитивной модели, представленной в английском языке. Перевод *ее кости чувствовали себя свободными* еще более близок к оригиналу, однако также неадекватен, так как чувствовать может только живое существо. Перевод *ее кости вызывали / давали ощущение свободы* – также замена английской когнитивной модели русской моделью. Кроме того, все варианты перевода с дословным использованием словарных дефиниций хотя и понятны носителям русского языка, но звучат «не по-русски», что как раз и доказывает то, что в русском языке такой когнитивной модели нет. Русские сочетания глагола и прилагательного (типа *пришел усталый*) являются уже предложениями, в то время как английские синтаксические конструкции, репрезентирующие когнитивную модель «процессуальность + атрибутивность», предложениями не являются, а являются лишь сказуемым в

предложении. Таким образом, на наш взгляд более адекватным будет перевод *ее кости разболтались*. Такой перевод, хотя и не содержит английской когнитивной модели, но передает семы и свободы / незафиксированности и не противоречит языковым привычкам носителей русского языка. Русское выражение *как на шарнирах* употребляется по отношению к конечностям, поэтому в данном случае не подходит, так как речь идет вообще о костях (нельзя сказать *у нее ребра как на шарнирах*). Кроме того, выражение *как на шарнирах передает*, скорее, не болезненные ощущения, а вихляние, то есть имеет совсем другие коннотации. Таким образом, адекватно перевести на русский язык английскую когнитивную модель **процессуальность + атрибутивность**, представленную сочетанием глагола и прилагательного, которые как бы «сливаются» и выражают одно понятие, не представляется возможным. Возможно лишь более или менее адекватно передать смысл. При переводе необходимо подыскивать наиболее близкое однословное выражение, которое бы выражало основной смысл английской когнитивной модели. Например, в рассматриваемом примере можно выделить два «куска» единого смысла, представленных соответственно глаголом и прилагательным: *чувствовать* и *свободный*. По вышеуказанным причинам передать единый смысл на русский язык адекватно невозможно, поэтому необходимо выбрать тот компонент смысла, который является более важным, более значимым, и попытаться передать его на русский язык. Очевидно, что в этом примере более значимым является не *чувствование / ощущение* (глагол *felt*), а именно *свобода / подвижность* (прилагательное *loose*), так как именно свобода / подвижность костей передает болезненное и неестественное состояние героя, тогда как глагол *feel* в данном случае является как бы «вспомогательным» для передачи этой неестественной «свободы» костей (именно поэтому он и выступает здесь как глагол-связка).

Таким образом, можно предложить следующий перевод:

Кости у нее как будто разболтались и плавали под кожей.

Реципиенты:

92% реципиентов указали, что выражение *her bones felt loose* представляет смысл свернуто и требует разворачивания в контексте.

60% реципиентов перевели это выражение дословно: *ее кости чувствовали свободу*. Такой перевод противоречит смысловой сочетаемости языка.

20% перевели как *ее кости были подвижны* – совсем другой смысл: слово «подвижность» в русском языке имеет позитивную окраску. Подвижность костей предполагает хорошую физическую форму. В примере же наоборот речь идет о плохом здоровье: *кости разболтались и как будто плавали под кожей*.

Остальные варианты: *кости разбросаны внутри* (16%) – нельзя считать правильным переводом, так как и «основной» смысл - *свобода/подвижность костей*, говорящий о болезненном состоянии, и «дополнительный» смысл – *чувствовать/ощущать* - здесь утрачены; *она была костлява* (4%) – также неверно. Не передан ни один компонент авторского смысла. Просто неправильный перевод.

Таким образом, можно утверждать, что в английском языке существуют «непереводимые» когнитивные модели, не имеющие аналогов в русском языке. При переводе таких моделей на русский язык необходимо отказываться от дословного перевода и искать наиболее близкое однословное выражение, которое бы наиболее точно передавало смысл оригинала. При этом, естественно, приходится отказаться от передачи всего смысла английского выражения, а передавать на русский язык лишь наиболее значимые компоненты смысла.

4.4.2.2. Глобализация значения в английском языке по сравнению с русским

Довольно часто в английских текстах встречаются лексемы, имеющие несколько подходящих по контексту различных ЛСВ. То есть за английским

словом стоит когнитивная структура, которая на русский язык полностью может быть передана лишь несколькими лексемами. Очевидно, что в таких случаях нет необходимости переводить на русский язык всю когнитивную структуру, достаточно перевести ее часть, которая актуальна в данном контексте, выбрав на русском языке какой-то один ЛСВ. При этом критерии выбора ЛСВ – компонентный анализ и учет стилистических факторов.

The distracted man trembled from head to foot, partly from cold, partly from the struggle in which he was engaged.

(SHERWOOD ANDERSON “The strength of God”)

Перевод:

Отчаявшийся человек дрожал всем телом – и от холода, и от того, что в душе у него был разброд.

Затруднения при переводе вызывает слово *distracted*. Те ЛСВ, которые даны в словаре, не подходят по контексту (люди не дрожат от того, что их отвлекают, расстраивают или сводят с ума). Очевидно, что в данном контексте *distracted* реализует прежде всего семы эмоционального напряжения, неустойчивого эмоционального состояния, отсутствия комфорта. Для передачи этого состояния подходит слово *отчаявшийся*. Но в данном случае очевидно, что значение слова *distracted* шире, чем *отчаявшийся*. При этом в контексте это значение никак не конкретизируется. Поэтому можно говорить о **глобализации значения** в английском варианте по сравнению с русским. Очевидно, что в английском языке за словом *distracted* стоит когнитивная структура, которая не имеет однословного выражения в русском языке и может быть полностью представлена только несколькими словами.

Реципиенты:

Глобализацией значения вызвано расхождение при переводе. 92% реципиентов отметили, что наиболее адекватно передает авторский смысл выражение *distracted man*. При этом 76% указали, что оно передает смысл свернуто. То есть в английском варианте реализовано малое количество сем, при переводе на русский язык приходится конкретизировать значение (увеличивать количество актуальных сем). Из-за того, что мы не можем однословно представить на русском языке когнитивную структуру, стоящую за словом *distracted*, нам приходится переводить лишь какую-то ее часть (то есть использовать один из ЛСВ). При этом информанты выбирают наиболее подходящий, на их взгляд, ЛСВ на основе своей концептуальной системы. 40% информантов перевели *distracted* как *разозленный*, 60% - как *обезумевший*. Такие варианты не противоречат контексту, однако, на наш взгляд, не являются и ядерными компонентами когнитивной структуры, стоящей за *distracted*, так как в обоих вариантах перевода представлена сема агрессии, которой нет в *distracted*. На наш взгляд, наиболее адекватный вариант перевода – *отчаявшийся*, так как *отчаявшийся* – это одновременно и расстроенный, и рассеянный, и смущенный, то есть когнитивная структура, стоящая за лексемой *отчаявшийся*, наиболее близка структуре, стоящей за *distracted*.

Очевидно, что и *разозленный*, и *обезумевший* имеют более конкретное значение, чем *distracted*. Поэтому смысл английского варианта текста конкретизируется при переводе за счет передачи дополнительного актуального смысла, но уже не авторского, а переводческого.

Hours passed and a fever assailed his body.

(SHERWOOD ANDERSON “The strength of God”)

Перевод:

Проходили часы, и лихорадка забирала его тело.

Очевидно, здесь также можно говорить о более широком значении, представленном в английском варианте. Реализованы семы *движение вперед* и *агрессия* (захват чего-либо).

Реципиенты:

assailed his body – 44% перевели как *напала* (на его тело), 10% - *не отступала/не сходила*, 46% - (тело) *охвачено жаром*. Хотя все эти варианты верные (все они передают ситуацию правильно), наиболее близким авторскому следует признать вариант *напала*, так как это не просто описание ситуации (как в других вариантах), а именно передача авторского образа (реализованы те же семы движения вперед и захвата). Однако наиболее адекватным вариантом, на наш взгляд, будет не *напала*, а *забирала*, так как *напасть* – это резкое, неожиданное действие, в то время как *лихорадка забирала* передает постепенное действие, что более точно отражает ситуацию.

His feet on the study floor felt like two cakes of ice.

(SHERWOOD ANDERSON “The strength of God”)

Перевод:

Его ноги на полу кабинета застыли.

Дословный перевод в данном случае будет не лучшим вариантом перевода: *его ноги на полу кабинета были как два кусочка льда*. Хотя такой перевод и будет понятен носителю русского языка, чувствуется его необычность. Сравнение *холодный как лед* распространено в русском языке, однако обычно оно выражает оценку говорящим чего-то внешнего по отношению к говорящему. Чтобы сказать *мои ноги холодные, как лед*, надо их потрогать. Если же человек чувствует, что замерз, то он и говорит, что ноги замерзли/застыли/окоченели (степень замерзания). В этом примере более правильным будет перевод *засты-*

ли, хотя при этом и теряется сравнение, но он более «русский». Вероятно, здесь все дело в сравнении: в русском языке сравнение *холодный как лед* может быть отнесено только по отношению к чему-то внешнему, а в английском языке, видимо, оно допускается и по отношению к самому субъекту речи. Поэтому сохранение сравнения в русском варианте предполагает введение еще одного персонажа – того, кто бы ввел это сравнение, поэтому такой вариант нельзя считать адекватным переводом.

Реципиенты:

То, что дословный перевод не подходит, поняли и реципиенты. Все 100% информантов указали, что *felt like two cakes of ice* наиболее очевидно репрезентирует авторский смысл.

52% перевели *felt like two cakes of ice* как застыли/окоченели, 30% - *были как два куска льда*, 18% - *как лед*. Таким образом, большинство реципиентов воспользовались конвенциональным выражением русского языка, что в данном случае себя оправдывает. Хотя при этом и происходит конкретизация значения: в английском варианте явно не говорится, что герой замерз (есть лишь знак того, что он замерз – у него холодные ноги), а в русском переводе это указано эксплицитно.

«You go to bed. I'll keep the stove going,» he said to the boy.

(SHERWOOD ANDERSON “The teacher”)

Перевод

Иди в постель. Я послежу за печкой (чтобы печка не погасла).

Очевидно, что в этом примере реализовано значение *быть в действии, работать* (о механизме, машине). Однако в русском языке, говоря о печке, мы должны конкретизировать значение *go* – *я послежу, чтобы печка не погасла*

или просто *я слежу за печкой*. В случае с *я слежу, чтобы печка не погасла* – декомпрессия – появляется новые семы (значение *не погаснуть* имеет большее количество сем, чем *go* (*go* является очень многозначным глаголом)). При переводе *я слежу за печкой* – переводчик опирается на пропозициональную информацию, имеющуюся в опыте индивида.

Реципиенты:

80% реципиентов указали, что выражение *I'll keep the stove going* представляет смысл свернуто. 50% перевели это выражение как *я слежу за печкой*, 20% - *я слежу за огнем в печи*, 28% - *я слежу, чтобы печка не погасла*.

Вероятно, в этом случае следует говорить об одинаковости когнитивных схем русского и английского языков. Все три предложенных реципиентами варианта перевода – варианты одной и той же когнитивной схемы. Печь в работающем состоянии – то же самое, что и горящая печь. И английский, и русские варианты передают один и тот же смысл, просто разными словами.

Таким образом, проблему для перевода могут составить слова, за которыми стоят когнитивные структуры, не имеющие однословного выражения в русском языке и которые могут быть представлены только несколькими словами. При этом при переводе приходится переводить лишь какую-то часть когнитивной структуры (использовать какой-то один ЛСВ). При этом выбор конкретного ЛСВ (если контекст однозначно не указывает на необходимый ЛСВ) производится на основе собственной концептуальной системы переводчика. За счет сужения значения слова в переводе в него всегда вносится дополнительный смысл, который переводчик считает актуальным в данном случае.

В ходе анализа примеров нам также встретилось такое явление, затрудняющее перевод, как *разные метафорические значения у соответствующих лексем русского и английского языков*.

He hoped to find some new method of making a living and aspired to become a professional breeder of ferrets. Already he had four of the strangely shaped savage little creatures.

(SHERWOOD ANDERSON «The teacher»)

76% реципиентов указали, что выражение *strangely shaped* представляет смысл свернуто. Для носителя русского языка ЛСВ, представленные словом *shape*, применяются только по отношению к неживым предметам. Для определения формы живых существ, в том числе формы животных, употребляется другое слово – *сложенный*. Тогда *strangely shaped* надо переводить как *странно сложенных*. Но такого ЛСВ не представлено в словарной статье слова *shaped*. Вероятно, затруднения при переводе вызваны тем, что за словом *сложенный* и выражением *имеющий определенную форму/сформированный* у носителя русского языка стоят разные когнитивные структуры, хотя смысл их близок. Для носителя английского языка эти значения, вероятно, являются модификацией одной когнитивной структуры. Чтобы носителю русского языка перевести *shaped* как *сложенный*, ему надо соотнести эти две когнитивные структуры, интегрировать их. Поэтому реципиенты и указывают, что выражение представляет смысл свернуто (может быть, этот пример – тоже глобализация?).

Перевод:

Он надеялся найти новый способ зарабатывания денег и стремился стать профессиональным хорьководом. У него уже были четыре этих странно сложенных свирепых зверька.

Реципиенты:

60% реципиентов перевели *strangely shaped* просто как *странных*, 40% - как *странно сложенных*. Ни один не перевел как *странной формы*. Это обу-

словлено смысловой сочетаемостью лексемы *форма* в русском языке: слово *форма* употребляется только при характеристике неодушевленных предметов.

People’s lives – their real life, as opposed to their simple physical existences – begin at different times. The real life of Thad Beaumont, a young boy who was born and raised in the Ridgeway section of Bergenfield, New Jersey, began in 1960. Two things happened to him that year. The first shaped his life; the second almost ended it.

(STEPHEN KING “The Dark Half”)

Интерес вызывает выражение *shaped his life*.

В этом примере реализовано метафорическое значение слова *shape*: формировать жизнь – определять дальнейшую жизнь, задать направление дальнейшего развития. Русская лексема *формировать* не имеет метафорического значения, которое сочеталось бы со словом *жизнь*, а употребляется в прямом значении – придавать форму или создавать. В таком случае английской когнитивной структуре, стоящей за словом *shape*, соответствуют две русские когнитивные структуры: структура, стоящая за словом *формировать*, и другая структура, адекватная стоящей за метафорическим значением *shape* (в данном случае, говоря о жизни, это структура, стоящая за словом *определять* (дальнейшую жизнь)). Английская когнитивная структура, стоящая за словом *shape*, глобальнее (абстрактнее): она объединяет и прямые, и переносные значения; ее можно описать как *задавать форму, путь развития*, причем по отношению к любым вещам: и *конкретным*, и *абстрактным*.

Таким образом, адекватность перевода достигается переводом не самой лексемы, а когнитивной структуры, стоящей за реализованным в контексте ЛСВ.

Перевод:

Жизнь каждого человека – его настоящая жизнь, а не простое физическое существование – начинается в разное время. Настоящая жизнь Тэда Бюмонта, маленького мальчишки, родившегося и выросшего в Риджуэйской части Бергенфильда, штат Нью-Джерси, началась в тысяча девятьсот шестидесятом. Два события произошли с ним в этом году: первое определило всю его жизнь, второе едва не положило ей конец.

Реципиенты:

80% реципиентов перевели *shaped his life* как *сформировало его жизнь*, то есть заимствовали метафорическое значение (и когнитивную структуру, стоящую за этим значением) из английского языка. Подобная легкость заимствования говорит о том, что реципиенты чувствуют связь между *формировать* и *определять жизнь*, благодаря тому, что между этими структурами есть интегративный признак: *задавать способ дальнейшего развития*, который и сделал возможным образование метафорического значения слова *shape*. Таким образом, можно говорить о заимствовании когнитивной модели образования метафорического значения.

Остальные 20% реципиентов предложили разные варианты перевода: *определило его дальнейшую жизнь* (12%), *сделало набросок его будущей жизни* (8%). Эти варианты являются адекватными вариантами перевода, так как переводят не слово, а смысл.

Таким образом, в случае, если английской когнитивной структуре, стоящей за каким-либо словом, в русском языке соответствуют 2 и более когнитивных структур, стоящих за разными словами, то адекватность перевода достигается за счет перевода не самой лексемы, а части когнитивной структуры, стоящей за этой лексемой и актуальной в данном случае.

4.4.2.3. Когнитивная модель «процессуальность + субстантивность», репрезентированная сочетанием *глагол + существительное*

Такая когнитивная модель возможна в английском языке благодаря явлению так называемой конверсии – от существительного образуется глагол (bridge – мост, to bridge – соединять мостами). Вероятно, подобное явление происходит за счет расширения когнитивной структуры, стоящей за существительным, за счет добавления к ней процессуальности (то есть слияния субстантивности и процессуальности в одной когнитивной структуре). В русском языке существительное и образованный от него глагол отличаются, во-первых, формой (за счет словообразовательных аффиксов), а во-вторых, за глаголом будет стоять другая когнитивная структура (именно поэтому мы не можем создать слово, аналогичное to bridge – букв. *мостить*, а мы говорим *соединять мостами* – 2 слова – 2 когнитивные структуры). Стратегия перевода в данном случае – в русском языке надо использовать два слова – глагол (процессуальность) + существительное (субстантивность).

She meant to wave goodbye, but it was too much trouble.

(KATHERINE ANNE PORTER The Jilting of Granny Weatherall)

В английском языке в данном случае имеет место явление конверсии: сущ. *wave* – волна и глагол *to wave* – общее значение – «волнить» (делать волны – рукой, завивать волосы и т.д.)

Таким образом, в данном случае в английском языке представлена когнитивная модель **процессуальность + субстантивность**, которая представлена одним словом: с одной стороны, to wave – глагол (процессуальность), с другой стороны, он несет в себе субстантивность (идея волны). Причем *плюс* в этом случае – не простое суммирование, а объединение, диффузия. В русском языке

такая когнитивная модель не имеет слова-номинатора. Конечно, можно передать смысл и предложить такой перевод:

Она собиралась помахать рукой на прощанье, но это было слишком тяжело.

Такой перевод передает смысл английского предложения. Однако когнитивную модель английского языка он не передает. Кроме того, при таком переводе необходима декомпрессия: *помахать **рукой***. Но когнитивная структура, стоящая за глаголом *to wave*, уже содержит знание того, что это движение рукой.

Реципиенты:

80% перевели как *помахать «до свиданья»*. Однако такой перевод нельзя признать адекватным. Во-первых, рус. глагол *помахать* всегда требует при себе дополнения (помахать чем?). Во-вторых, нельзя *помахать «до свиданья»*. «До свиданья» можно только сказать или написать, «до свиданья» требует вербального выражения. Помахать в русском языке можно только на прощанье или приветствуя кого-нибудь.

20% реципиентов перевели как *она собиралась попрощаться* – утеряна часть смысла – как попрощаться? Именно помахать рукой – в таком варианте перевода этого нет.

Now we are under the currant bushes and every time the breeze stirs we are mottled all over. My hand is like a snake`s skin. My knees are pink floating islands. Your face is like an apple tree netted under.

(VIRGINIA WOOLF “The waves”)

Перевод:

Сейчас мы под кустами смородины и каждый раз, когда дует ветерок, испещрены осыпающимися цветами с головы до ног. Моя рука – как кожа змеи.

Мои колени – плавучие розовые острова. Твое лицо – как яблоня, раскинувшая сеть тени на земле.

В этом отрывке явно выделяется доминантный смысл – крапчатость, испещренность, который обнаруживается во многих лексемах: *currant bushes, mottled all over, snake`s skin, apple tree, netted.*

Наиболее очевидно авторский смысл фиксирует синтаксическая конструкция *Now we are under the currant bushes (сейчас мы под кустами смородины)*. Действительно, это выражение является ключом для понимания всего отрывка. Без этой конструкции невозможно понимание следующих предложений.

Интересны для перевода все предложения отрывка.

... every time the breeze stirs we are mottled all over.

Mottle – крапать, испещрять [Англо-русский словарь: 457].

Очевидно, что дословный перевод этого предложения не будет понятен: *каждый раз, когда дует ветерок, мы все испещрены*. Хотя «ключ» для понимания этого предложения – самое первое предложение отрывка (*сейчас мы под кустами смородины*), и поэтому можно понять, что в данном контексте *испещрены* – значит *усыпаны листьями/цветами смородины*, которые осыпаются от ветра, все же предложение *каждый раз, когда дует ветерок, мы все испещрены* звучит не совсем по-русски. Возможно, это происходит потому, что *испещрены* требует при себе дополнения *испещрены чем?* Поэтому наиболее адекватный перевод – *каждый раз, когда дует ветерок, мы испещрены осыпающимися цветами смородины с головы до ног*. Таким образом, в данном предложении для адекватного перевода необходимо прибегнуть к декомпрессии вследствие несовпадения валентностей соответствующих лексем (когнитивных структур?) русского и английского языка.

Сему крапчатости репрезентирует и следующие предложения: *My hand is like a snake`s skin (моя рука похожа на кожу змеи* – очевидно, опять из-за осы-

павшихся на нее цветов смородины рука стала пятнистой, чем и напоминает кожу змеи).. *My knees are pink floating islands* (мои колени – розовые плавучие острова – колени как бы плавают в осыпавшихся цветах). Однако наибольшие трудности вызывает последнее предложение отрывка - *Your face is like an apple tree netted under*, а именно выражение *netted under*.

Таким образом, в английском языке в данном случае мы видим явление конверсии: от имени существительного *net* образован глагол *net*, то есть к субстантивности добавлена процессуальность. Такая когнитивная модель очень широко распространена в английском языке (*bridge* – мост, *to bridge* – соединять мостами, букв. «мостить», *feather* – перо, *to feather* – украшать перьями, букв. «перить» и т.д.). В русском языке такой когнитивной, адекватной стоящей за этой английской словообразовательной моделью (еще раз подчеркнем, что мы исследуем стабильные соотношения между ментальными и языковыми структурами), нет. Поэтому перевод выражения *netted under* представляет сложности для носителя русского языка, даже с учетом ЛСВ, предлагаемых словарем. Очевидно, что для перевода предложения *Your face is like an apple tree netted under* необходимо учитывать и доминантный смысл фрагмента – *красчатость, испещренность*. Даже подстановка любого ЛСВ, данного словарем, не делает предложение понятным: *твое лицо похоже на яблоню, расставившую сети/покрытую сетью/обязанную сетью внизу*. На наш взгляд, правильный перевод - *...на яблоню, отбрасывающую сеть тени* (или, возможно, бросившую листья/цветы узором, похожим на сеть). В любом случае, в этом предложении представлена когнитивная модель, не имеющая аналога в русском языке и потому представляющая трудности для перевода. Кроме этого, в этом предложении нет каких-либо «актуализаторов» какого-то одного ЛСВ для лексемы *netted*, поэтому нельзя предложить одного варианта перевода. Возможны, в принципе, любые варианты, имеющие смысл *бросать сеть*: *...яблоню, отбрасывающую внизу сеть тени; рассыпавшую сетью свои цветы/листья и т.д.* В любом слу-

чае для передачи английской когнитивной модели субстантивность + процессуальность, которые в английском языке заключены одновременно в одном слове, в русском языке придется использовать два слова: глагол для передачи процессуальности и существительное для передачи субстантивности, то есть декомпрессия при переводе этой когнитивной модели неизбежна.

Реципиенты:

Большинство реципиентов (88%) считают, что вызывают непонимание и требуют разворачивания в контексте выражения *we are mottled all over* и *your face is like an apple tree netted under*.

... every time the breeze stirs we are mottled all over.

Наиболее частотный перевод: *каждый раз, когда дует ветерок, нас осыпают лепестки смородины (на нас падают лепестки, обсыпает со всех сторон, нас усыпает листьями смородины с ног до головы)*. К таким вариантам перевода прибегли все 100% реципиентов, причем все эти варианты схожи и выражают один смысл, просто разными словами. Кроме того, можно сказать, что все 100% реципиентов прибегли к декомпрессии: все они ввели дополнение, которого нет в английском предложении, а именно *листья смородины, лепестки, цветы и т.д.* Очевидно, это вызвано разными валентностями рус. глагола *обсыпать* (всегда требуется прямое дополнение – чем?) и англ. *mottle*, который, видимо, не требует прямого дополнения.

Доминантный смысл, объединяющий все метафоры и сравнения, содержащиеся в данном отрывке, заключен в слове *mottled*. Ср. следующее предложение: *My hand is like a snake`s skin* (*моя рука – как кожа змеи*). Рука похожа на кожу змеи именно потому, что она пестрая, крапчатая (усыпанная листьями и цветами смородины).

My knees are pink floating islands (*мои колени – розовые плавающие острова*). Колени похожи на острова потому, что они как бы плавают в листьях и

цветах, которые осыпаются с кустов смородины. При этом большинство реципиентов при переводе используют лексемы *похожи, подобны*, то есть используют сравнение. Однако в исходном тексте сравнения нет, а есть метафора. Перевод метафоры формой сравнения разрушает цельность и континуальность метафорического образа, акцентируя момент подобия реалий, а не аналогии их восприятия, то есть особенности отражения автором действительности отходят на второй план, что хотя и позволяет понимать текст адекватно, но искажает представление об идиостиле автора.

Трудности и расхождения при переводе вызвало и предложение *Your face is like an apple tree netted under*.

Наиболее частотный перевод – *Твое лицо похоже на яблоню, связанную у корней; связанную веревками; ветви которой переплелись; на яблоню, попавшую в западню*. 8% реципиентов перевели это просто как *Твое лицо похоже на яблоню*.

Трудности вызвал причастный оборот *netted under*.

Очевидно, что речь здесь идет о сети из тени, отбрасываемой ветвями (т.к. есть предлог *under*), а не о переплетенных ветвях. Лишь один из 25 реципиентов перевел *netted* как *сетчатая тень*. Возможно, все дело в том, что смысл здесь компрессирован очень сильно, что затрудняет понимание текста носителями иных языков и культур. Однако интегративный компонент «*краткости*», проходящий через весь отрывок, все же делает понимание возможным, хотя и не однозначным.

I see the sky, softly feathered with its sudden effulgence of moon.

(VIRGINIA WOOLF “The Waves”)

Перевод:

Я вижу небо, слегка разукрашенное, как перьями, неожиданным сиянием луны.

В этом примере снова представлено явление конверсии: от существительного *feather* – перо образован глагол *to feather* – украшать перьями (букв. «перить»).

Эта когнитивная модель была рассмотрена выше. Перевод в данном случае не представляет проблем. Единственное, что затрудняет перевод – это то, что в русском переводе приходится вводить сравнение (*разукрашенное как перьями*), в то время как в оригинале сравнения нет. Адекватный перевод был бы *...небо, расперенное неожиданным сиянием луны*. Однако такой перевод невозможен, так как когнитивной модели, адекватной английской, стоящей за этой словообразовательной моделью, в русском языке нет, и поэтому нет лексемы «перить». Поэтому для передачи субстантивности и процессуальности, которые в английском языке заключены в одном слове, в русском языке приходится использовать два слова: *украшать* (процессуальность) и *перьями* (субстантивность).

Реципиенты:

100% респондентов указали, что наиболее адекватно представляет авторский смысл выражение *softly feathered*. 92% реципиентов при этом отметили, что лексема *feathered* представляет смысл свернуто и требует разворачивания в контексте.

При переводе все респонденты прибегли к декомпрессии и к сравнению – *разукрашенное, как перьями*. В русском языке нет когнитивной структуры, адекватной стоящей за словом *feathered*, поэтому пришлось создавать интегративную когнитивную структуру, соединяющую процессуальность и субстантивность – декомпрессия.

4.4.2.4. Когнитивная модель, репрезентированная сочетанием *существительное + существительное*

Сочетание слов, состоящее из двух существительных, соединенных дефисом, первое из которых является определением для второго, очень широко распространено в английском языке и репрезентирует особую когнитивную модель. В отличие от русских сложных слов типа ковер-самолет, плащ-палатка, которые представляют собой синтетические структуры и компоненты которых синтаксически равноправны, в словах типа *шоптур* для носителя русского языка интегрируются признаки определения и определяемого слова – это иное когнитивное образование, репрезентирующее иное соотношение грамматических отношений между единицами языка – аналитическое.

Так как в русском языке подобной когнитивной модели нет, то стратегия перевода – либо калькирование, либо прилагательное + существительное.

The sun sharpened the walls of the house, and rested like the tip of a fan upon a white blind and made a blue finger-print of shadow under the leaf by the bedroom window. The blind stirred slightly, but all within was dim and unsubstantial. The birds say their blank melody outside.

(VIRGINIA WOOLF “The waves”)

В этом примере интерес вызывает прежде всего метафора *the sun sharpened the walls of the house*.

Дословный перевод в данном случае (*солнце заострило стены дома*) не совсем удачен: *заострять* предполагает целенаправленное физическое воздействие, которого, конечно, нет в данном случае. Смысл данной метафоры в том, что солнце так осветило стены дома, что его углы стали резкими, четкими,

«острыми». С другой стороны, нет другого способа передачи семы остроты на русский язык, кроме дословного перевода метафоры (*заострило*).

Реципиенты:

Большинство реципиентов указали, (80%) что наиболее очевидно авторский смысл передает конструкция *the sun sharpened the walls of the house*. Вызвало непонимание и требует разворачивания в контексте метафора *the sun made a blue finger-print of shadow*.

52% реципиентов перевели глагол *sharpened* как *осветило*, то есть заменили авторскую конструкцию конвенциональной, нормированной (*солнце осветило стены дома*). При таком переводе теряется вся авторская образность, метафоричность. Безусловно, что метафора *the sun sharpened the walls of the house* предполагает то, что солнце осветило стены дома, при этом «заострив» их. В предлагаемом варианте перевода теряется сема остроты, которая была важна для автора, раз он использовал метафору. Объективный языковой признак – солнце светит и своим светом создает различные эффекты, в том числе и «заостряет» стены дома – позволяет перевести метафору *the sun sharpened the walls of the house* как *солнце осветило стены дома*. С другой стороны, потеря метафоричности не позволяет считать этот перевод адекватным. На наш взгляд, нельзя сказать, что реципиенты не поняли сему остроты в слове *sharpened*, так как эта сема составляет суть данного слова. Отказ от перевода этой семы и попытка заменить его конвенциональным выражением (*солнце осветило*) говорит, скорее, о том, что реципиенты не посчитали важным сохранить метафоричность текста.

Остальные 48% реципиентов попытались учесть эту сему, чаще всего переводив дословно: *солнце заострило стены дома*. 24% реципиентов прибегли к декомпрессии при переводе, предложив варианты типа *под лучами солнца*

стены дома казались более резкими, острыми, четкими и т.п., то есть попытались передать смысл метафоры другими словами.

Таким образом, реципиенты дали 3 варианта перевода: заменили конвенциональным сочетанием (*солнце осветило*), при этом потеряв образность и метафоричность; перевели метафору дословно; попытались передать смысл метафоры путем разворачивания в контексте.

Возможно, такой большой процент перевода другими языковыми средствами, а не метафорой, объясняется тем, что в выражении *the sun sharpened the walls of the house* носители русского языка воспринимают как нехарактерное сочетание лексем *the sun sharpened*, поэтому реципиенты либо игнорируют сему *острый* и переводят это выражение клишированными средствами (*солнце осветило*), либо, учитывая эту сему, создают интегративные когнитивные структуры в результате соединения моделей русского и английского языка (*солнце сделало стены дома более четкими, острыми резкими*). Очевидно, «нехарактерность» словосочетания *the sun sharpened* для носителей русского языка в том, что в русском языке *заострять, точить, обострять* предполагает целенаправленное действие, направленное на придание чему-либо остроты в прямом смысле. В этом примере представлено метафорическое значение слова *sharpen* (стены дома не стали острыми в прямом смысле), к тому же «деятель» - солнце – тоже не предполагает целенаправленного действия. Видимо, именно сумма всех этих небольших отклонений от русского языка и заставила большинство реципиентов избегать дословного перевода метафоры.

24% реципиентов, которые перевели метафору дословно, ввели когнитивную структуру языка-источника (которая предполагает *заострение чего либо*, во-первых, в переносном смысле, во-вторых, без целенаправленности) в язык перевода, переведя *sharpened* как *заострило*.

Другой фрагмент этого отрывка, вызвавший расхождения при переводе – метафора *the sun made a blue finger-print of shadow* (буквально *сделало синий отпечаток пальца тени*).

Затруднения здесь – в переводе *finger-print*. Это словосочетание состоит из двух существительных, первое из которых является определением для второго. К тому же они соединены дефисом. Когнитивная модель, репрезентированная сочетанием *существительное как определение + существительное* очень широко распространена в английском языке и не имеет аналога в русском языке. В этом случае происходит как бы диффузия составляющих это сочетание существительных, в результате чего появляется нечто новое, не равное просто сумме этих существительных. В этом и проблема перевода такой когнитивной модели на русский язык. Казалось бы, отпечаток пальца – точный перевод *finger-print* на русский язык. Но, на наш взгляд, это не так. Если бы такое было возможно в русском языке, то точным переводом было бы *отпечатокпальца* как единое целое. Именно отсутствие в русском языке когнитивной модели, позволяющей словам сливаться, «взаимопроникать» своими значениями друг в друга и затрудняет перевод в данном случае. Русский перевод – отпечаток (чего?) пальца (чего?) тени кажется по сравнению с английской компрессированной структурой намного более громоздким и неуклюжим.

Реципиенты:

Вероятно, громоздкость дословного перевода на русский язык почувствовали и реципиенты. Только 32% реципиентов при переводе сохранили словосочетание *finger-print* – отпечаток пальца. Остальные 68% реципиентов при переводе опустили его, предлагая варианты: *создало голубую тень, оставило синий отпечаток тени, синий сумрак, голубой отпечаток тени*. Такой перевод разрушает авторскую образность, авторскую систему ассоциативных связей, однако он позволяет избежать нагромождения родительных падежей.

4.4.2.5. Когнитивная модель, репрезентированная сочетанием *прилагательное + существительное + -ed*

В английском языке широко распространена когнитивная модель, представленная сочетанием *прилагательное + существительное + -ed*. Хотя на первый взгляд кажется, что она имеет эквивалент в русском языке – модель, которую репрезентируют слова типа *красноглазый*, мы попытаемся доказать, что с когнитивной точки зрения это разные модели, хотя с номинативной они не отличаются.

I know the lesson by heart. I know more than they will ever know. I know my cases and my genders; I could know everything in the world if I wished. But I do not wish to come to the top and say my lesson. My roots are threaded, like fibers in a flowerpot round and round around the world. I do not wish to come to the top and live in the light of this great clock, yellow-faced, which ticks and ticks.

(VIRGINIA WOOLF “The waves”)

Перевод:

Я знаю урок наизусть. Я знаю больше, чем они когда-либо будут знать. Я знаю мои надежды и мои роды; я мог бы знать все в мире, если бы захотел. Но я не хочу отличаться и говорить мой урок. Мои корни сплетены, как волокна в цветочном горшке, вокруг всего мира. Я не хочу отличаться и жить в свете этих великих часов, желтолицых, которые тикают и тикают.

Почти весь фрагмент переводится дословно. Исключения составляют выражения *to know smth. By heart* – имеет русский эквивалент *знать наизусть* и *to come to the top* – здесь использовано переносное значение *отличиться* (дано в

словаре, с. 735). Все остальное, хотя и кажется не очень понятным, не представляет проблем для перевода. На наш взгляд, интерес представляет последнее предложение фрагмента. Во-первых, это когнитивная модель, представленная выражением *yellow-faced*. Очевидно, с когнитивной точки зрения, это не совсем то же самое, что *желтолицый*. Желтолицый – это прилагательное, образованное из двух слов: желтый и лицо. *Yellow-faced* – части этого сочетания соединены дефисом, что говорит о другом характере связи компонентов сочетания, чем в русском языке. В русском языке существует когнитивная модель, репрезентированная сочетанием *прилаг. + сущ. + ий*. Эту когнитивную модель репрезентируют слова со значением признаковости с общим значением *обладатель существительного, которое обладает признаком, выраженным прилагательным* (кособокий, синеглазый, краснолицый). Очевидно, что английское выражение *yellow-faced* репрезентирует другую когнитивную модель. С одной стороны, в английской модели – те же компоненты, что и в русской: прилагательное *yellow* и существительное *face*. С другой стороны, дефис между компонентами сочетания говорит о том, что они не осознаются как единое целое, что носители английского языка ощущают их «отдельность». Адекватная передача на русский язык выражений, репрезентирующих такую когнитивную модель, невозможна, так как в русском языке такая когнитивная модель отсутствует, поэтому наиболее адекватным переводом можно считать слово *желтолицый*.

Реципиенты:

68% реципиентов указали в качестве конструкций, фиксирующих авторский смысл наиболее очевидно, первые два предложения - *I know the lesson by heart. I know more than they will ever know.*

52% реципиентов считают, что вызвало непонимание и требует разворачивания в контексте выражение *My roots are threaded, like fibers in a flowerpot round and round around the world.*

Однако расхождения при переводе вызвало последнее предложение. Несмотря на то, что слово *face* имеет значения *циферблат* и *лицо*, а словосочетание *yellow-faced clock* логичнее перевести как *часы с желтым циферблатом*, 20% реципиентов перевели это словосочетание как *желтолицые часы* или *часы с желтым лицом*, а не *с желтым циферблатом*, 36% - как *с желтым циферблатом*, а остальные 44% вообще пропустили при переводе слово *-faced*, переводя словосочетание *yellow-faced clock* просто как *желтые часы*.

Возможно, для автора была значима игра слов *yellow-faced*, которая утратилась при переводе на русский язык. Часы здесь выступают как некий идол, великое вечное божество, в свете которого живут люди. Эта сема огромности, вечности, незыблемости, глобальности представлена в лексемах *great, in the light of, round and round around the world*, а также лексическим повтором *ticks and ticks*. 52% реципиентов при переводе постарались еще более эксплицировать этот смысл, заменив повтор *ticks and ticks* на новые лексеммы: *бесконечно тикают, неустанно тикают, постоянно тикают, тикают все время*.

Таким образом, интегративный признак *глобальности, бесконечности* организует перевод, а также определяет выбор ЛСВ при переводе (*желтолицый*) и введение новых лексем, которых нет в исходном тексте.

I repeat, "I am an average Englishman; I am an average clerk," yet I look at the little men at the next table to be sure that I do what they do. Supple-faced, with rippling skins, that are always twitching with the multiplicity of their sensations, prehensile like monkeys, greased to this particular moment, they are discussing with all the right gestures the sale of a piano
(VIRGINIA WOOLF "The waves")

Перевод:

Я повторяю: «Я обычный англичанин, я обычный служащий», тем не менее я смотрю на маленьких людей за соседним столом, чтобы увериться, что я делаю то же, что и они. Со льстивыми лицами, с неровной кожей, которая всегда подергивается от множества их ощущений, цепкие как обезьяны, думающие только о сегодняшнем дне, они обсуждают со всеми соответствующими жестами продажу пианино.

Вызывает интерес прежде всего выражения *supple-faced* и *greased to this particular moment*.

Очевидно, что в словосочетании *supple-faced* представлена уже рассмотренная нами когнитивная модель, репрезентированная сочетанием **прилаг. + сущ. + -ed**. Поэтому останавливаться на анализе этой модели не будем. Отметим лишь, что наиболее адекватный перевод в данном случае – *со льстивыми лицами*.

Интересно в этом отрывке выражение *greased to this particular moment*, очевидно, имеющее смысл *думающие только о сегодняшнем дне* (о настоящем моменте).

Затруднения вызывает основание данной метафоры. В данном примере мы видим страдательное причастие *greased*, в котором выделяется основная сема – *скользкость*, которая используется в английском языке в переносном смысле: выражения *to grease the palm* (букв. помазать руку), *to grease the wheels* (букв. помазать колеса) имеют значение «*подмазать*», *дать взятку*. Тем не менее, основание метафоризации в выражении *greased to this particular moment* иное. Возможно, в этом случае основной семой будет не сема скользкости, а сема липкости: примазанные к настоящему моменту, прилипшие к нему и не могущие оторваться от него смотреть дальше. В таком случае можно найти параллели с русским языком: человек, думающий только о сегодняшнем дне – недалновидный человек, не смотрящий дальше своего носа, тоже в каком-то смысле «прилипший» к настоящему дню.

Если же в основании метафоры лежит все же сема скользкости, то тогда *greased to this particular moment* можно буквально перевести как «подмазанные» к настоящему моменту, то есть старающиеся, чтобы только настоящий момент у них прошел хорошо, а не думающие о будущем. Однако «подмазанные» предполагает в русском языке субъекта действия (кто их «подмазал»), а в данном случае субъект действия невозможен. Ясно одно: в данном случае в английском языке использована какая-то когнитивная модель (не могу понять, какая именно), которой нет в русском языке, поэтому перевести и сложно. Возможно лишь найти неметафорическое выражение в русском языке, имеющее похожий смысл – думающие лишь о сегодняшнем дне.

Реципиенты:

92% реципиентов указали, что требуют разворачивания в контексте выражения *supple-faced* и *greased to this particular moment*.

При этом *supple-faced* 40% реципиентов перевели как с подвижными чертами лица/подвижным лицом. Очевидно, они опирались на ЛСВ 1 прилагательного *supple* – гибкий – а значит, и подвижный. Однако контекст требует другого ЛСВ. Очевидно, что отношение автора к людям, которые описываются в отрывке – негативное (цепкие как обезьяны, думающие только о сегодняшнем дне и т.д.). Перевод *с подвижными чертами лица* выбивается из описания, так как не содержит негативного отношения к описываемым. В данном случае больше подойдет ЛСВ 2 (*со льстивыми лицами / с угодливыми лицами*), так как только он содержит негативную оценку. Именно так и перевели выражение *supple-faced* остальные 60% реципиентов.

Перевод выражения *greased to this particular moment* вызвал много проблем. 80% реципиентов не смогли дать никакого варианта перевода, просто поставив многоточие на месте этого выражения. Остальные 20% предложили варианты *думающие / заботящиеся лишь о сегодняшнем дне*. Вряд ли они смогли

найти основания метафоризации. Скорее, они сделали перевод на основании контекста, а именно на основе слов *to this particular moment*, так как в русском языке - очень похожее выражение (думающие *о сегодняшнем дне*).

Таким образом, можно сделать вывод, что, хотя большинство реципиентов перевели *yellow-faced* как желтолицый, что в целом верно, в английском варианте представлена другая когнитивная модель, чем в русском переводе. С одной стороны, в русском переводе – те же компоненты, что и в английском тексте: прилагательное и существительное. Однако в английском словосочетании имеется дефис между компонентами, что говорит о другом характере связи частей сочетания, чем в русском языке: если для носителей русского языка *желтолицый* – одно понятие, то носители английского языка в данном случае чувствуют «отдельность» компонентов, именно поэтому они и разделены дефисом. Поэтому можно утверждать, что за *yellow-faced* стоит иная когнитивное образование, чем за *желтолицый*

Стратегия перевода в данном случае – сложным словом (*желтолицый*) или словосочетанием (если такое сложное слово в русском языке неестественно – *со льстивым лицом*).

4.4.3. Специфика лексической сочетаемости как отражение специфики менталитета

Кроме рассмотренных выше различий в когнитивных моделях, при анализе материала нам встретилось такое явление, затрудняющее понимание и перевод, как различная лексическая сочетаемость в русском и английском языках. И хотя цель данного исследования – это прежде всего рассмотрение различий в когнитивных структурах, мы, тем не менее, посчитали этот материал полезным и не стали исключать его из диссертации.

Cornelia's mouth moves urgently in strange shapes.

(KATHERINE ANNE PORTER The jilting of Granny Weatherall)

Дословный перевод: *рот Корнелии настойчиво двигался в разных формах.*

Во-первых, не говорят *рот двигался*, говорят *губы двигались*.

Во-вторых, не говорят *двигался в странных формах*, говорят *принимал разные формы*.

Скорее всего, Корнелия плачет, поэтому русский перевод должен быть таков:

Губы Корнелии как-то странно, настойчиво задергались.

Вероятно, здесь надо говорить о различно лексической сочетаемости слов (возможно, о языковых привычках этноса). Внешне проблем при переводе не возникает, однако лексическая сочетаемость языков резко отличается.

Все 100% реципиентов перевели текст именно дословно: *рот Корнелии настойчиво двигался в разных формах/ принимал разные формы*. В таком случае говорить об адекватном переводе нельзя: читая такой перевод, нельзя догадаться, о чем идет речь – о гримасе, о крике, о плаче. Здесь обнаруживается национально-специфическое в лексической сочетаемости. В русском языке ситуации, связанные с динамичной мимикой, выражающей негативные эмоции субъекта, частотно репрезентируются словосочетаниями со словом *дергаться/задергаться*: губы, рот, лицо – задергались. Вероятно, в ситуационный фрейм можно включить отрицательную эмоцию + средство ее репрезентации + способ представления. Заменяем хотя бы одно слово – *рот задергался* или *губы задвигались* – и связь с плачем теряется, получается совсем другой смысл. Возможно, что ни один реципиент, читая английский вариант, так и не понял, что речь шла о плаче, так как ни один не перевел правильно. Дело в том, что они не

смогли связать *движение рта* в английском варианте с *эмоциональным состоянием*, так как в русском языке это же эмоциональное состояние конвенционально связывается с иным представлением одинаковых движений.

Таким образом, лексическая сочетаемость фиксирует национально специфичные фрагменты концептуальных систем. Можно предположить, что разница в лексической сочетаемости детерминирована спецификой когнитив, формирующих определенный фрейм.

“But this is a thin dream. This is a papery tree. Miss Lambert blows it down. Even the sight of her vanishing down the corridor blows it to atoms. It is not solid; it gives me no satisfaction – this Empress dream. It leaves me, now that it has fallen, here in the passage rather shivering. Things seem paler.”

(VIRGINIA WOOLF “The waves”)

Перевод:

Но это хрупкая (призрачная) мечта. Это карточный домик. Мисс Ламберт сдувает его. Даже вид ее, исчезающей там, в коридоре, раздувает ее на мельчайшие частицы. Она не прочная, она не дает мне удовлетворения – это мечта Императрицы. Она оставляет меня сейчас, когда она рухнула, здесь, на перепутье, разбитым вдребезги. Вещи кажутся более тусклыми.

thin dream – букв. *тонкая мечта*. Однако выражение *тонкая мечта* в русском языке не употребляется. Для выражения несбыточности мечты обычно используется устойчивое словосочетание *призрачная мечта* – тоже актуализирует семы хрупкости, нереальности, призрачности.

papery tree – букв. *бумажное дерево*. В сочетании с выражением *thin dream* актуализируется сема ломкости, хрупкости, ненадежности. Однако подобное выражение нетипично для русского языка, так как основание метафори-

заци, на наш взгляд, недостаточно очевидное для носителя русского языка. Если бы не было выражения *thin dream*, то однозначно истолковать основание метафоризации выражения *papery tree* было бы сложно. Поэтому представляется более целесообразным, на наш взгляд, употребить фразеологизм *карточный домик* или *воздушный замок*, которые передают то же значение хрупкости, но для носителя русского языка выражают его очевиднее.

blows it to atoms – букв. *раздувает на мельчайшие частицы / атомы* - нехарактерная для русского языка сочетаемость. В значении слова *раздувать* (увеличивать объем) нет семы *разрушать, разделять*. На атомы обычно *расщепляют*, а на частицы *разбивают*. В русском языке нет слов, объединяющих *дуть* и со значением *разрушать*.

Интерес при переводе представляет выражение *here in the passage rather shivering*. И *passage*, и *shiver* имеют несколько значений, а контекст точно не указывает, какой именно ЛСВ требуется. Очевидно, что *passage* в этом случае следует переводить переносным значением – например, *перепутье*. На наш взгляд, выбор именно переносного значения слова *passage* определяется доминантным авторским смыслом – *хрупкость, непрочность, призрачность, неопределенность*, который передается выражениями *thin dream, papery tree, sight, vanishing, Empress dream, paler*.

Также нет четких указаний на выбор ЛСВ слова *shivering*. Есть два варианта перевода: *дрожащим* или *разбитым*. Оба эти варианта передают эмоциональный дискомфорт героя, так что в принципе при переводе возможен любой из них. Однако, на наш взгляд, если у человека рухнула мечта, то по-русски он не *дрожит*, а он именно *разбит*, морально подавлен. То есть в русском языке для выражения разочарования, уныния, угнетенности частотно используется слово *разбит*. Слово *дрожит* в русском языке употребляется для описания несколько других негативных эмоциональных состояний: *дрожит от гнева/злости, от негодования, от страха*. Таким образом, когнитивная специфика русского

языка требует выбора ЛСВ *разбит*, хотя контекст не дает четких указаний на выбор ЛСВ.

Реципиенты:

thin dream – ни один из реципиентов не перевел это как *тонкая мечта*. 60% реципиентов перевели как *несбыточная мечта*, 20% - *призрачная мечта*, 20% - *глупая мечта*. Все три варианта перевода передают несбыточность мечты, однако вариант *глупая мечта* актуализирует другие семы, другое эмоциональное отношение – в этом варианте выражается негативное отношение к такой мечте, тогда как в английском варианте этого нет.

paper tree – 52% реципиентов перевели как *бумажное дерево*, 28% - *карточный домик*, 20% - *воздушный замок*.

На наш взгляд, вариант перевода *бумажное дерево* недостаточно четко и однозначно актуализирует семы хрупкости, непрочности.

Paper – похожий на бумагу, тонкий (507).

Для носителей русского языка бумага не является символом хрупкости и непрочности. Хотя и говорят тонкий, как бумага, но в этом случае актуализируются семы именно тонкости, а не хрупкости. В выражении *бумажное дерево* носителю русского языка трудно определить однозначно, каково основание метафоризации. Лишь контекст (*thin dream*) помогает понять, что здесь актуальна хрупкость.

blows it to atoms – 40% реципиентов, *разбивает на мелкие кусочки* – 20%, *сдувает его* – 40%. Очевидно, что большинство носителей русского языка пытаются построить аналогичную когнитивную структуру, реализующую сходное соотношение входящих в нее компонентов.

It leaves me, now that it has fallen, here in the passage rather shivering.

Слово *fall* в применении к несбывшейся мечте реализует не свое основное значение – движение вниз, а, скорее, разрушение (мечты не падают, а рушатся – неожиданное падение, резкое, тяжелое). На наш взгляд, наиболее адек-

ватный перевод в данном контексте – мечта разрушена, однако такая сочетаемость не является нормированной. Тем не менее, большинство реципиентов (84%) перевели это именно как *падает/упала*, сохраняя сему исчезновения, разрушения, но нарушая при этом законы лексической сочетаемости русского языка. Лишь 8% реципиентов перевели это как *мечта не сбылась* (что можно считать адекватным переводом, хотя и с потерей авторской образности). Очевидно, что проблема перевода в данном случае в языковой компетенции реципиентов, которые стараются «переводить слова», а не смысл.

“My daughter expects us in the drawing-room.” My heart pounds against my ribs.

(VIRGINIA WOOLF “The Waves”)

Перевод:

«Моя дочь ожидает нас в гостиной». Мое сердце заколотилось.

В русском языке для того, чтобы *выразить идею сильного сердцебиения*, есть устойчивые выражения: *сердце заколотилось / сильно забилося*. В английском примере – *мое сердце сильно забилося о ребра* – если переводить дословно, то реализуется не волнение, переживание, а наличие какой-то аномалии в организме.

Реципиенты:

Примечательно, что ни один информант не перевел выражение как *забилося о ребра*. Все 100% перевели как *сильно забилося/заколотилось*. 20% добавили *в груди*. Очевидно, все они поняли, что дословный перевод в данном случае исказит смысл. Возможно, что устойчивые конвенциональные выражения интерпретируются не пословно, а целиком соотносятся с каким-то определенным смыслом. При этом возможность такого соотнесения на операциональном уровне дает именно их устойчивая форма. Даже небольшое изменение этой об-

щепринятой формы нарушает эту прямую соотнесенность и требует уже по-словной интерпретации на уровне действий.

She and her husband are terribly funny in a bridge game. He doesn't think there ought to be any conventions; he says a person might just as well teach each other what they've got.

(RING LARDNER «Who dealt?»)

Этот пример вызвал затруднения у многих реципиентов. На наш взгляд, проблемы вызваны 2 моментами: 1. лексемы *teach* и *conventions* использованы в значениях, которых нет в словаре; 2. слово *get* имеет очень широкое значение.

Очевидно, что в этом контексте (применительно к игре в карты) слово *conventions* обозначает *обмен информацией между игроками-партнерами*. Словарь дает ЛВС *соглашение, договор*, но в словаре это прежде всего соглашение как *результат*, а в контексте – обмен информацией как *процесс*.

Тогда можно предложить следующий перевод:

Смешно смотреть, как они с мужем играют в бридж. Он не признает обмена информацией в картах, говорит, что это все равно, что рассказать, какие карты у тебя на руках.

Реципиенты:

Все 100% реципиентов указали, что вызвали проблемы при переводе слово *conventions* и придаточное предложение *he says a person might just as well teach each other what they've got* – представляет смысл свернуто и нуждается в разворачивании в контексте.

60% реципиентов перевели *conventions* как *общение*, 32% - как *традиции*. Перевод словом *общение* не является адекватным, так как не предполагает целенаправленного обмена информацией о картах. *Общение* – слово с более широким значением. Вариант *традиции* вообще неправильный, так как последую-

щее придаточное предложение (*говорит, что это все равно, что рассказать, какие карты у тебя на руках*) требует перевода *conventions* именно как обмен информацией.

Придаточное предложение (*говорит, что это все равно, что рассказать, какие карты у тебя на руках*) не перевел правильно ни один из реципиентов. Очевидно, что причина этого в том, что слово *teach* употреблено в значении, которого нет в словаре, а слово *get* имеет очень широкое значение, что затрудняет понимание предложения.

Говоря об игре в карты, предложение *he says a person might just as well teach each other what they've got* можно перевести как *он говорит, что это все равно что рассказать, какие карты у тебя на руках*. Таким образом, слово *teach* здесь употреблено в значении *рассказать, поделиться информацией*. Такого ЛСВ словарь не дает. Видимо, трудности при переводе этого фрагмента в том, что в нем есть несколько сложных моментов, и именно в сумме они затрудняют перевод. Слово *teach* – употреблено не в значении, которые даны в словаре, слово *get* – очень широкое значение + компрессия смысла (*what they've got* – буквально – *что они имеют/получили*, а смысл – *какие карты у них на руках*). Также затрудняет понимание и местоимение *what (they've got)* – *какие карты (у них на руках)*.

Реципиенты предложили 2 варианта перевода придаточного предложения:

1. *Он говорит, что человек может хорошо учить только тому, что сам хорошо знает.*
2. *Человек может научить других только тому, чему они сами захотят научиться.*

Очевидно, что в обоих случаях основой смыслопорождения выступал глагол *teach* именно в своем общеизвестном и самом распространенном значении *учить*. Именно невозможность реципиентами «оторваться» от словарного

значения глагола *teach* и рассмотреть его смысл в этом контексте не дала информантам сделать правильный перевод. Подводя итог, можно сказать, что отсутствие у реципиентов необходимых стратегий перевода и явилось причиной коммуникативной неудачи.

Для адекватного перевода придаточного предложения на русский язык пришлось прибегнуть к декомпрессии: местоимение *what* развернуть до *какие карты, they've got* – до *у них на руках*. В данном примере английский язык более экономичен в языковых средствах, что затрудняет его понимание носителем другого языка.

Таким образом, можно говорить о существовании национально-специфической лексической сочетаемости. Ситуационные фреймы (например, характеризующие эмоциональное состояние) диктуют выбор лексем при переводе, а иногда даже заставляют полностью трансформировать предложение. При отсутствии контекста и при недостаточной языковой компетенции национально-специфическая лексическая сочетаемость делает правильное понимание и перевод невозможным. Дословный перевод в таком случае имеет другой смысл или не имеет смысла вообще.

Выводы

Таким образом, в ходе эксперимента нами были определены специфические текстовые компоненты, лакунизирующие англоязычный текст и представляющие определенные когнитивные расхождения:

1. Компрессированные метафорические структуры.

При переводе исходного текста, содержащего метафору, переводчик должен, во-первых, уловить эту метафору, во-вторых, построить аналогичную познавательную структуру, более компрессивную, чем сравнение. Однако в ходе эксперимента было установлено, что многие реципиенты не владеют стратегиями восприятия англоязычного метафорического текста. Очевидно, наиболее правильная стратегия перевода в данном случае – это прежде всего нахождение основания метафоризации, а затем передача его на русский язык при сохранении оригинальной метафоры или, если на русском языке эта метафора может быть истолкована неоднозначно или будет непонятна (например, бумажное дерево), передача этого смысла другой метафорой, более близкой и понятной носителям русского языка, или сравнением.

2. Фразовые глаголы как репрезентанты когнитивной модели.

Фразовые глаголы – явление, аналогов которому в русском языке нет. Фразовый глагол – это сочетание многозначного глагола и предлога. Фразовые глаголы репрезентируют компрессированный смысл: очень широкая когнитивная структура, стоящая за основным глаголом в составе фразового, конкретизируется послелогом, стоящим после глагола. Это дает возможность установить значение фразового глагола в контексте. По нашему мнению, фразовые глаголы репрезентируют особую когнитивную модель, особую познавательную структуру.

ру, помогающую экономить языковые средства: фразовые глаголы реализуют в контексте значительно меньшее число сем, чем их однословные синонимы.

3. Когнитивная модель «процессуальность + атрибутивность», репрезентированная сочетанием *глагол + прилагательное*.

В данном случае глагол и прилагательное выражают единый общий смысл, происходит «диффузия» значений. Адекватной когнитивной модели в русском языке нет. На наш взгляд, наиболее адекватная стратегия этой модели на русский язык – глаголом, который соединял бы в себе семы и английского прилагательного, и английского глагола. Естественно, подобный перевод не может считаться вполне адекватным, так как это не перевод английской когнитивной модели, ее замена наиболее близкой и наиболее точно выражающей ее значение русской моделью.

4. Частичное несовпадение когнитивных структур соотносимых по смыслу слов.

Довольно часто в английских текстах встречаются лексемы, имеющие несколько подходящих по контексту различных ЛСВ. То есть за английским словом стоит когнитивная структура, которая на русский язык полностью может быть передана лишь несколькими лексемами. Очевидно, что в таких случаях нет необходимости переводить на русский язык всю когнитивную структуру, достаточно перевести ее часть, которая актуальна в данном контексте, выбрав на русском языке какой-то один ЛСВ. При этом критерии выбора ЛСВ – компонентный анализ и учет стилистических факторов.

5. Когнитивная модель, репрезентированная сочетанием *глагол + существительное*.

Такая когнитивная модель возможна в английском языке благодаря явлению так называемой конверсии – от существительного образуется глагол. Вероятно, подобное явление происходит за счет расширения когнитивной структуры, стоящей за существительным, за счет добавления к ней процессуальности (то есть слияния субстантивности и процессуальности в одной когнитивной структуре). В русском языке существительное и образованный от него глагол отличаются, во-первых, формой (за счет словообразовательных аффиксов), а во-вторых, за глаголом будет стоять другая когнитивная. Стратегия перевода в данном случае – в русском языке надо использовать два слова – глагол (процессуальность) + существительное (субстантивность). Смысл будет передан адекватно, хотя и русской когнитивной моделью.

6. Когнитивная модель, репрезентированная сочетанием *существительное-существительное*.

Сочетание слов, состоящее из двух существительных, соединенных дефисом, первое из которых является определением для второго, очень широко распространено в английском языке и репрезентирует особую когнитивную модель. В таких сочетаниях репрезентируется иное соотношение грамматических связей между единицами языка – аналитическое, так как для носителя русского языка в них интегрируются признаки определения и определяемого слова, в отличие от русских сложных слов типа ковер-самолет, плащ-палатка, которые представляют собой синтетические структуры и компоненты которых синтаксически равноправны.

Так как в русском языке подобной когнитивной модели нет, то стратегия перевода – либо калькирование, либо прилагательное + существительное.

7. Когнитивная модель, представленная сочетанием *прилагательное + существительное + -ed*.

По нашему мнению, подобная когнитивная модель, широко представленная в английском языке, с когнитивной точки зрения отличается от русской модели, репрезентированной, например, словом *кривобокий*. Хотя эти образования и адекватны с номинативной точки зрения, при когнитивном подходе выявляются их отличия, которые, тем не менее, не создают проблем при коммуникации.

Стратегия перевода в данном случае – сложным словом (*желтолицый*) или словосочетанием (если такое сложное слово в русском языке неестественно – *со льстивым лицом*).

Отдельным пунктом выделяем следующее:

Различная лексическая сочетаемость в русском и английском языках

Национально-специфические особенности лексической сочетаемости также усложняют понимание и перевод иноязычного текста. Например, в русском и английском языках различные эмоциональные состояния репрезентируются различными словосочетаниями, и эти частотные словосочетания в разных языках не совпадают. При дословном переводе этих словосочетаний теряется связь с ситуационным фреймом, с определенным эмоциональным состоянием, получается совсем другой смысл. Очевидно, стратегия перевода в таком случае – перевод всего ситуационного фрейма средствами, которыми он конвенционально выражается в другом языке, так как устойчивые конвенциональные выражения интерпретируются не пословно, а целиком соотносятся с определенным смыслом.

Заключение

Таким образом, наше предположение о том, что такое явление, как лакуна, можно объяснить с позиций когнитивной науки, подтвердилось. В отличие от лингвокультурологии, с позиций которой лакуны определяются как базовые элементы национальной специфики лингвокультурной общности, существующие в текстах и затрудняющие их понимание представителями иной культуры (как уже говорилось выше, такое определение нельзя признать удовлетворительным), с точки зрения когнитивной лингвистики *лакуну можно определить как отсутствие у носителя иного языка и культуры необходимой когнитивной модели/схемы/структуры*. Воспринимая иноязычный текст, индивид часто не может образовать в своей концептуальной системе смысл, потому что этот смысл в его концептуальной системе не заложен, у него отсутствуют необходимые когнитивные модели. Очевидно, неудача лингвокультурологии объяснить явление лакунизации объясняется тем, что лингвокультурология пыталась объяснить нетрадиционный объект анализа – явления ментального порядка – в рамках традиционной парадигмы.

В противовес двум способам элиминирования лакун (заполнению и компенсации), выделенных с позиций лингвокультурологии, с позиций когнитивной лингвистики можно выделить один – декомпрессию. Причем в зависимости от затруднения при переводе (то есть от выделенных нами типов когнитивных моделей, реализованных в тексте и отсутствующих у носителей иного языка) используются разные *стратегии декомпрессии*, исследование которых может быть перспективным для создания когнитивной теории лакун. При этом выделенные Ю.А. Сорокиным *способы элиминирования лакун в тексте могут быть объяснены с позиций когнитивной науки: ведь компенсация – это, по сути, замена чужой, незнакомой когнитивной модели моделью переводного*

языка, а заполнение – создание интегративной когнитивной структуры в результате соединения моделей исходного и переводного языка.

Таким образом, *лакуны – это не следствие неполноты и/или избыточности опыта лингвокультурной общности, а несовпадение/отсутствие необходимых когнитивных моделей и схем у воспринимающего субъекта.* Социокультурный опыт человека – носителя знания – определяет способ репрезентации знаний. Элементы знаний, соответствующие обязательным категориям данного языка, ассоциированы с инвариантными когнитивными моделями. Отсутствие в процессе межкультурной коммуникации необходимой когнитивной модели для понимания – лакуна. Но так как язык влияет на способы образования и развития понятий, а когниции – на усвоение языка, то *возможно образование новых когнитивных структур и моделей под влиянием неродного языка.*

Оптимальное решение переводческих задач, таким образом, обусловливается, во-первых, наличием у переводчика всех необходимых когнитивных моделей (что предполагает владение в совершенстве иностранным языком), а во-вторых, владение стратегиями перевода, то есть адекватными способами передачи чужих когнитивных моделей на другой язык.

Когнитивные структуры, стоящие за языковыми структурами, принципиально нелинейны, и при языковом воплощении требуют специальной «упаковки». Переход от нелинейной структуры к ее линейному представлению всегда сопровождается тем, что эксплицитно выражается лишь некоторая часть когнитивной структуры, а другие ее части могут присутствовать в имплицитном виде. При этом *к декомпрессии может приводить несовпадение в разных языках имплицитно присутствующих частей когнитивной структуры* (например, наличие коннотации в одном из языков может привести к разрушению доминантного авторского смысла).

Таким образом, очевидно, что поиски методов исследования межкультурных различий, свободные от культурологических доминант, обречены на неудачу. Поэтому универсальной межкультурной методической основой можно считать когнитивный подход. Универсальные когнитивные стратегии, не зависящие от конкретного языка, дают возможность исследовать когнитивные структуры и модели, существующие в различных языках.

Когнитивный подход в лингвистике позволяет подчеркнуть единство и взаимопроникновение в этой науке таких аспектов языковой системы, как внутреннее строение и функционирование в живом общении, представить языковую систему как сложный, многокомпонентный механизм, делающий возможным как порождение речи, так и ее восприятие и понимание, еще раз доказать, что язык по своему модусу существования – одновременно и коммуникативная, и когнитивная структура, а языковые данные обеспечивают наиболее очевидный и естественный доступ к когнитивным процессам и механизмам.

Таким образом, с позиций когнитивной лингвистики нам удалось объяснить такое явление, как лакунизация текста, а также выявить сущность процесса декомпрессии как способа достижения максимальной коммуникативной эквивалентности текстов. Также нами были выявлены различия в когнитивных моделях носителей русского и английского языков и предложены стратегии устранения этих различий при переводе. В данном исследовании предпринята попытка исследования только семантической декомпрессии. Исследование структурной декомпрессии, очевидно, также представляет интерес для теории и практики перевода и составляет дальнейшую перспективу работы.

Литература

1. Агамджанова В.А. Контекстуальная избыточность лексического значения слова (на материале английского языка). Рига, 1977.
2. Аллмере Р.А, Василевич А.П. Психолингвистический подход к установлению к установлению двуязычных языковых соответствий // Экспериментальные исследования в психолингвистике. М., 1982.
3. Английский язык как глобальный. М., 2001.
4. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. М., 1991.
5. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Серия литературы и языка. Том 56. №1.
6. Бархударов Л.С. Язык и перевод // Вопросы общей и частной теории перевода. М., 1975.
7. Бауш К.-Р. Сравнительное языкознание, прикладная лингвистика и перевод // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978.
8. Беляевская Е.Г. Когнитивные основания изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке. М., 1994.
9. Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М., 1988.

10. Березович Е.Л. К вопросу об этнокультурной информации. // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 1999.
11. Бергельсон М.Б. Межкультурная коммуникация как исследовательская программа: лингвистические методы изучения кросс-культурных взаимодействий // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. №4.
12. Блох М.Я. теоретическая грамматика английского языка. М., 1983.
13. Богатырев А.А. Переводческое понимание как совмещенная рефлексия над традицией текстопроизводства // Понимание и интерпретация. Тверь, 1994. – 169 с. с. 41-55.
14. Богин Г.И. Интенциональность как средство выведения к смысловым мирам // Понимание и интерпретация. Тверь, 1994. – 169 с. с. 8-18.
15. Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин, 1986.
16. Богин Г.И. Схемы действия читателя при понимании текста. Калинин, 1989.
17. Босова Л.М. Проблема соотношения семантических и смысловых полей качественных прилагательных (на материале русского и английского языков). Барнаул, 1997.
18. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М., 1998.

19. Бурлакова В.В. Основы структуры словосочетания в современном английском языке. Л., 1975.
20. Варшавская А.И. Смысловые отношения в структуре языка (на материале современного английского языка). Л., 1984.
21. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1976.
22. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
23. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980.
24. Володина М.В. Основные направления когнитивной лингвистики в Германии // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1994. №6.
25. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1996.
26. Галеева Н.Л. Анализ текста оригинала как компонент деятельности переводчика художественной литературы // Тетради переводчика. М., 1984, №21.
27. Галеева Н.Л. Понимание и интерпретация художественного текста как составная часть подготовки филолога // Понимание и интерпретация. Тверь, 1994. с. 79-88.

28. Герман И.А. Лингвосинергетика. Барнаул, 2000.
29. Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. Барнаул, 1999.
30. Горелов И.Н., Енгальчев В.Ф. Безмолвный мысли знак. М, 1991.
31. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1997.
32. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
33. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // В. фон Гумбольдт Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
34. Гюббенет И.В. К проблеме понимания литературно-художественного текста. М., 1981.
35. Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория. М., 1992.
36. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. М., 1994. №4.
37. Долинина И.Б. Синтаксически значимые категории английского глагола. Л., 1989.

38. Елисеева В.В. Непонимание как результат паронимического смешения // Понимание и интерпретация. Тверь, 1994. – 169 с. с. 117-123.
39. Жельвис В.И К вопросу о характере русских и английских лакун // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
40. Жинкин Н.И Механизмы речи. М., 1958.
41. Залевская А.А. Вопросы овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1996.
42. Залевская А.А. Когнитивизм, когнитивная психология, когнитивная наука и когнитивная лингвистика // Когнитивная лингвистика (современное состояние и перспективы развития). Тамбов, 1998 а.
43. Залевская А.А. Понимание текста: Психолингвистический подход. Калинин, 1988 б.
44. Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин, 1982.
45. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Воронеж, 1990.
46. Залевская А.А Текст и его понимание. Тверь, 2001.
47. Зернов Б.Е. Взаимодействие частей речи в английском языке. Л., 1986.

48. Зимняя И.А. Психолингвистические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М., 1978.
49. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. М., 1989.
50. Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985.
51. Исследование семантической структуры и сочетаемости слов в английском языке. М., 1997.
52. Кабакчи В.В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации. Спб., 2001.
53. Казакова Т.А. Практические основы перевода: English – Russian. Спб., 2001.
54. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: Культурные концепты. – Волгоград-Архангельск, 1996.
55. Кашкин И.А. Для читателя-современника: Статьи и исследования. М., 1968.
56. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. М., 1994. №5.
57. Кибрик А.А. Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2000. №3.

58. Клименко А.П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. Минск, 1974.
59. Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения: К построению нового концептуального аппарата. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Саратов, 1999.
60. Клюканов И.Э. Единицы и уровни анализа в теории перевода // Психолингвистические проблемы семантики. Тверь, 1990. – 140 с. с. 121-125.
61. Когнитивное моделирование'99 // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2000. №3.
62. Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: Хрестоматия / Пищальникова В.А, Лукашевич Е.В. Сонин А.Г. Барнаул, 2001.
63. Колобаев В.К. Факторы, влияющие на восприятие и понимание иноязычного текста // Понимание и интерпретация. Тверь, 1994. с. 160-168.
64. Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И, Тархов В.И. Пособие по переводу с английского языка на русский. М, 1965.
65. Комиссаров В.Н Перевод как лингвистический источник // Тетради переводчика. М., 1975. Вып. 12.
66. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977.

67. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г. и др. М., 1996.
68. Крупнов В.Н. В теоретической лаборатории переводчика: Очерки по профессиональному переводу. М., 1976.
69. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма; лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. М., 1994. №4.
70. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структура представления знаний. М., 1992.
71. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. Барнаул, 2001.
72. Кузнецов А.М. Когнитология, «антропоцентризм», «языковая картина мира» и проблемы исследования лексической семантики // Этнокультурная специфика речевой деятельности. М., ИНИОН РАН, 2000.
73. Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986.
74. Кузьмина Т.Е. Закономерности понимания причинно-следственных отношений в тексте // Понимание и интерпретация. Тверь, 1994. с.155-160.

75. Кустова Г.И Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. М., 2000. №4.
76. Лачина И.С. Сопоставление актуальности стратегий идентификации ряда русских и английских прилагательных // // Психолингвистические проблемы семантики. Тверь, 1990. с. 39-45.
77. Лебедева С.В. Использование набора экспериментальных методик при исследовании близости значения слов // Психолингвистические проблемы семантики. Тверь, 1990. с. 92-96.
78. Левицкий В.В. Изучение коннотативного значения слова в межнациональном аспекте // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1983.
79. Лейчик В.М. Реальное и виртуальное в понятии «диалог культур» // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. №3.
80. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. М., 1965.
81. Леонтьев А.А Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
82. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997.

83. Леонтьев А.А. Теория речевой деятельности и лингвистика (существует ли лингвистика, ориентированная на теорию речевой деятельности?) // Текст: структура и функционирование. Вып. 2. Барнаул, 1997. с. 3-14.
84. Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
85. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М., 1983.
86. Маскадыня В.Н. Некоторые примеры неоднородности экстенционала категорий // Психолингвистические проблемы семантики. Тверь, 1990. с. 62-67.
87. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
88. Муравьев В.Л. О языковых лакунах // Иностранные языки в школе. М., 1971. №1.
89. Мустафинова Э.Р. Аббревиация в русском языке: когнитивный аспект. Дис. канд. филол. наук. Барнаул, 2001.
90. Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
91. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М., 1983.
92. Ольшанский И.Г. Лингвокультурология в конце XX века: итоги, тенденции, перспективы // Язык и культура. М., 1999.

93. Опарина Е.О. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия // Язык и культура. М., ИНИОН РАН, 1999.
94. Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
95. Павленис Р.И. Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. М., 1982.
96. Павленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.
97. Пищальникова В.А., Герман И.А. Лингвосинергетика: тенденции развития // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы. Барнаул, 2000.
98. Пищальникова В.А. Диалог культур // Межкультурная коммуникация и перевод. М., 2002.
99. Пищальникова В.А. Общее языкознание. Барнаул, 2001.
100. Пищальникова В.А. Психопэтика. Барнаул, 1999.
101. Пищальникова В.А. Смысл художественного текста как психолингвистическая проблема // Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопэтику. Барнаул, 1993.
102. Плоткин В.Я. Строй английского языка. М., 1989.

103. Потапенко С.И. Роль детерминативов в организации понимания текстов // Понимание и интерпретация. Тверь, 1994. с. 149-155.
104. Практический курс английского языка. М., 1989.
105. Психолингвистика. Сб. статей. М., 1984.
106. Психолингвистические проблемы семантики. М., 1988.
107. Раренко М.Б. Развитие перевода в XX в. в России и США // Лингвистические исследования в конце XX в. М., 2000.
108. Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия АН. Серия литературы и языка. 2000, т. 59. №3.
109. Роговин М.С. Динамика соотношения понимания и перевода // Вопросы философии. М., 1981. №2.
110. Рогожникова Т.М. Ассоциативная структура значения слова и процесс понимания текста // Психолингвистические проблемы семантики. Тверь, 1990. С. 96-100.
111. Руднев В.П. Винни Пух и философия обыденного языка. М., 2000.
112. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. Л., 1989.
113. Свинцов В.И. Смысловой анализ и обработка текста. М., 1979.

114. Семантические и стилистические особенности английских слов и словосочетаний. М., 1988.
115. Сепир. Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., Прогресс, 1993.
116. Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М., 1977.
117. Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.
118. Сорокин Ю.А. Проблема перевода с психолингвистической точки зрения // Тетради переводчика. М., Высшая школа, 1984, №21.
119. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985.
120. Сорокин Ю.А. Теория лакун и оптимизация межкультурного общения // Единицы языка и их функционирование. Саратов, 1998.
121. Сорокин Ю.А. Основные понятия библиопсихологической теории Н.А. Рубакина // Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979.
122. Староселец О.А. Экспериментальное исследование понимания метафоры текста. Дис. канд. филол. наук. Барнаул, 1997.
123. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997.

124. Стернин И.А., Г.В. Быкова Концепты и лакуны // Методы исследования языкового сознания. М., 1998.
125. Стернин И.А. Принадлежит ли язык к явлениям культуры // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999.
126. Сусов И.П. Интеграционный этап в развитии лингвистической теории и сущность вклада когнитивной лингвистики // Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития. Тамбов, 1988. Ч. 1-2.
127. Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989.
128. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979.
129. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
130. Типология номинаций современного английского языка. М., 1983.
131. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской культурологии и этнолингвистике. М., 1995.
132. Трофимова Э. А. Синтаксические конструкции английской разговорной речи. Ростов н/Д., 1981.
133. Трошина Н.Н. Лингвистический аспект межкультурной коммуникации // Лингвистические исследования в конце XX века. М., 2000.

134. Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования. Авт. докт. дисс. М, 1999.
135. Филиппова М.М. Когнитивные аспекты иронии и сарказма в преподавании английского языка // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М., 2000. Вып. 11.
136. Финагентов В.И. Психолингвистический анализ трансформаций текста при переводе. Саратов, 1982.
137. Цветкова Т.К. Проблема сознания в контексте обучения иностранному языку // Вопросы психологии. М., 2001. №4.
138. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. М., 1996. №2.
139. Швейцер А.Д. Перевод: Проблемы и перспективы // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1984. т 43. №6.
140. Этнопсихолингвистика. М., Наука, 1988.
141. Этнопсихолингвистические проблемы семантики. М., 1978.
142. Язык и когнитивная деятельность. М., 1989.
143. Hashemi Louise English grammar in use. Cambridge Univ. Press, 2000.
144. Swan Michael Basic English usage. Toronto: Oxford University Press, 1987.

Словари

1. Англо-русский словарь / Под. ред. В.К. Мюллера. М., 1992.
2. Большой толковый словарь русского языка / Под. ред. С.А. Кузнецова. – М., 1998.
3. Новый англо-русский словарь. М., «Русский язык», 1999.
4. Новый большой англо-русский словарь. М., «Русский язык», 1993.
5. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1982.
6. Советский энциклопедический словарь. М., 1980.
7. Философский энциклопедический словарь. М., 1997.